

У НЕЕ НИ ГРОША ЗА ДУШОЙ.
У НИХ ЕСТЬ ВСЕ.
ДА НАЧНЕТСЯ ИГРА!

ИГРЫ НАСЛЕДНИКОВ

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

Дженнифер Линн Барнс
Игры наследников
Серия «Young Adult. Разгадай
меня, если сможешь»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64424347*

*Игры наследников: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118827-6*

Аннотация

Сорок шесть миллиардов долларов. Такое состояние завещал перед смертью миллиардер Тобиас Хоторн семнадцатилетней Эйвери.

Девушка никогда не знала о существовании старика, который обожал загадки, анаграммы и всевозможные квесты. Чтобы получить свою долю наследства, Эйвери должна сыграть в рискованную игру, придуманную эксцентричным богачом.

Но его наследники готовы пойти на все, чтобы соперница не получила огромное состояние.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	61
Глава 11	66
Глава 12	74
Глава 13	79
Глава 14	85
Глава 15	91
Глава 16	96
Глава 17	104
Глава 18	109
Глава 19	115
Глава 20	121
Глава 21	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дженнифер Линн Барнс

Игры наследников

Посвящается Сэмюэлу

Jennifer Lynn Barnes
The Inheritance Games

*This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency Images © Shuttersock*

*Published by arrangement with Random House Children's
Publishers UK, a division of The Random House Group Limited*

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Jennifer Lynn Barnes

© Самарина А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-

Глава 1

Когда я была маленькой, мама постоянно придумывала игры. «Кто дольше всех промолчит». «Съешь печенье как можно медленнее!» И многолетний наш фаворит, «Маршмэллоу», игра, в которой нужно было есть зефирки, натянув на себя дутую теплую куртку, чтобы не включать в доме отопление. Когда отключали электричество, мы играли в «Фонарик». Спокойным шагом мы никогда не ходили, а вечно бегали наперегонки. Пол практически всегда был «лавой». А подушки нужны были в первую очередь для того, чтобы строить крепости.

Самая долго продержавшаяся наша игра называлась «Есть у меня секрет». По мнению мамы, у каждого он должен был быть – хотя бы один. Иногда она угадывала мой. А иногда – нет. В эту игру мы играли каждую неделю, вплоть до моего пятнадцатилетия, пока один из маминых секретов не закончился больничной койкой.

А вскоре мама умерла.

– Твоя очередь, принцесса. – Хриплый голос вернул меня к реальности. – Я с тобой тут весь день сидеть не буду.

– Я тебе не принцесса, – возразила я и сделала ход конем. – Теперь ты ходи, дедуля.

Гарри хмуро посмотрел на меня. Сколько лет ему было, я не знала, и не имела ни малейшего понятия, как же так

вышло, что он стал бездомным и поселился в парке, где мы теперь и играли с ним в шахматы каждое утро. Зато соперником он был сильным – уж это-то я знала наверняка.

– Страшный ты человек, – проворчал он, опустив взгляд на доску.

Всего три хода спустя я его разгромила.

– Шах и мат, Гарри! Сам знаешь, что это значит!

Он смерил меня мрачным взглядом.

– Что ты купишь мне поесть, а я не буду возражать.

Таковы были условия нашего долгосрочного пари. Если победа была за мной, то он не имел права отказаться от бесплатного угощения.

Во мне вспыхнул крошечный огонек злорадства.

– Здорово быть королевой, как ни крути!

* * *

В школу я успела, но чудом. Делать все впритык давно вошло у меня в привычку. С оценками получалась ровно та же история: я вечно ходила по краю, проверяя на собственном опыте, какой же объем минимальных усилий нужен, чтобы получить пятерку? Причиной была вовсе не лень, а практичность. Дополнительная смена на работе явно стоит того, чтобы получить за домашку 92 балла, а не 98.

Я сидела на уроке испанского и писала сочинение по английскому, когда меня вдруг вызвали к директору. Таким

как я полагалось быть тише воды ниже травы. Таких как я не вызывали в директорский кабинет. Такие как я старались совершать как можно меньше промашек – а в моем случае их нельзя было допускать вовсе.

– Эйвери! – сказал мистер Альтман, директор школы, увидев меня на пороге. Голос у него был далеко не радушный. – Присаживайтесь.

Я села.

Он сцепил руки на столе и посмотрел на меня.

– Полагаю, вы догадываетесь, почему я вас вызвал.

Если речь пойдет вовсе не о еженедельной игре в покер, которую я устраивала на парковке, чтобы было на что покупать завтрак для Гарри – а иногда и самой себе, – то я понятия не имела, чем могла вызвать интерес администрации.

– Простите, но нет, не догадываюсь, – призналась я, приняв смиренный вид.

Мистер Альтман помолчал немного и протянул мне стопку бумаг, скрепленных степлером.

– Это тест по физике, который вы писали вчера.

– Ну да, – ответила я. Мистер Альтман явно ждал иного ответа, но у меня его не было. Я усиленно готовилась к этому тесту. И никак не могла написать его настолько плохо, чтобы меня вызвали в директорский кабинет.

– Мистер Йейтс проверил работы, Эйвери. Вы – единственная, кто правильно ответил на все вопросы.

– Здорово, – отозвалась я, хотя меня так и подмывало вто-

рой раз ответить ему «Ну да».

– Вовсе нет, юная леди. Дело в том, что мистер Йейтс специально составляет проверочные работы таким образом, чтобы их крайне сложно было выполнить. За двадцать лет еще никто не решал все задания правильно. Теперь понимаете, в чем проблема?

– В учителе, который придумывает до того сложные тесты, что большинство учеников не справляются? – съязвила я, не успев прикусить язык.

Мистер Альтман сощурился.

– Эйвери, вы хорошая ученица. Не побоюсь этого слова, блестящая, учитывая ваши обстоятельства. Вот только не припомню, чтобы вы раньше набирали максимальный балл.

Справедливое замечание. Так почему у меня вдруг такое чувство, будто меня ударили под дых?

– Я с большим сочувствием отношусь к вашей ситуации, – продолжил директор Альтман. – Но хочу, чтобы вы были со мной честны. – Он внимательно заглянул мне в глаза. – Вы знали, что мистер Йейтс хранит файлы с заданиями в облаке? – спросил он. Так, значит, он думает, что я схитрила. Он сидел за своим столом и не сводил с меня тяжелого взгляда, но, казалось, в упор не видел самой сути.

– Я хочу вам помочь, Эйвери. Вы прекрасно справляетесь, особенно в тех непростых условиях, с которыми вам пришлось столкнуться. Я бы очень не хотел, чтобы ваши планы на будущее, которые вы, вероятно, строите, потерпели крах.

– Планы, которые я, *вероятно*, строю? – повторила я. Но-си я другую фамилию, будь мой отец дантистом, а мать – домохозяйкой, он вряд ли бы позволил себе такую формулировку.

– Я учусь в предпоследнем классе, – процедила я. – В следующем году я окончу школу с аттестатом, в котором будут проставлены баллы по меньшей мере за два семестра академической работы. По итогам экзаменов я смогу претендовать на стипендию и учебу в Университете Коннектикута, одном из лучших вузов в стране, где преподают актуарную науку.

Мистер Альтман нахмурился.

– Актуарную науку?

– Статистическую оценку рисков.

Из всех доступных направлений именно это эффективнее прочих помогло бы мне достичь совершенства в покере и математике. Кроме того, с таким образованием было проще всего устроиться на работу, о чем наглядно свидетельствовала общемировая статистика.

– Стало быть, вы у нас любите просчитывать риски, мисс Грэмбс?

Он что, снова намекает, что я *смухлевала*, пока писала тест? Надо было сдержаться, не поддаваться злости. Поэтому я представила, что играю в шахматы. Просчитала в голове все ходы. Таким как я нельзя взрываться.

– Я не мухлевала, – спокойно ответила я. – Просто тща-

тельно подготовилась к тесту, вот и все.

Я выкраивала на это время где только могла – на других уроках, между сменами, поздно ночью, когда уже давно пора было спать. Я прекрасно знала о любви мистера Йейтса к невыполнимым заданиям, но это лишь раззадорило мой пыл – мне захотелось доказать, что они вполне себе выполнимы. Впервые за долгое время мне хотелось выложиться на полную, а не экономить усилия.

И вот она, *награда* за мои старания. А все потому, что девушки вроде меня, видите ли, не в силах сдать «невыполнимый» тест.

– Я пересдам этот тест, – сказала я, стараясь скрыть ярость и уж тем более обиду. – Вот увидите, результат будет таким же.

– Мистер Йейтс уже подготовил тест. Заменял все задания на новые, но не менее сложные. Что вы скажете на это?

– Я готова его написать, – не медля ни секунды, ответила я.

– Предлагаю сделать это завтра на третьей перемене, но должен вас предупредить, что будет куда лучше, если вы...

– *Прямо сейчас.*

Мистер Альтман удивленно уставился на меня.

– Прошу прощения?

Смирного вида как не бывало, как и желания быть тише воды и ниже травы.

– Я хочу написать новый тест прямо сейчас, у вас в каби-

нете.

Глава 2

– Тяжелый выдался денек? – спросила Либби, моя сестра. Она была старше меня на семь лет и проявляла к этому миру до того сильное сочувствие, что ей и самой временами от этого становилось несладко – а мне уж тем более.

– День как день, – ответила я. Рассказ о том, как меня вызвали к Альтману, ее только встревожил бы, да и потом, пока мистер Йейтс не проверит мой второй тест, все равно ничего не предпринять. Так что я сменила тему. – Сегодня давали щедрые чаевые.

– Да? И сколько? – Одеваться Либби предпочитала как панк или гот, но в душе была неисправимой оптимисткой, крепко верящей в то, что в забегаловке, где большинство блюд стоит шесть долларов девяносто девять центов, и впрямь можно урвать чаевые в тысячу.

Я протянула ей кипу мятых банкнот.

– На оплату жилья хватит.

Либби попыталась было вернуть мне деньги, но я проворно отскочила, и она не успела этого сделать.

– Я их сейчас в тебя кину, – мрачно пообещала она.

Я пожала плечами.

– Увернусь, не беда.

– Нет, ты просто невыносима. – Либби неохотно убрала деньги, достала неведомо откуда форму для запекания и

строго на меня воззрилась. – А я тогда тебя маффином угощу. Отказы не принимаются!

– Есть, мэм! – воскликнула я и уже потянулась было за кексом, как вдруг заметила, что на столике стоят еще и капкейки. У меня точно земля из-под ног ушла.

– Только не это, Либ...

– Пойми меня правильно, – поспешно заговорила Либби. Она из тех, кто любит печь вкусности в знак примирения. Чтобы загладить вину. На ее языке это значило «не злись на меня, пожалуйста».

– А что тут вообще можно понять неправильно? – тихо спросила я. – Хочешь сказать, он не вернется в эту квартиру?

– В этот раз все будет иначе! – заверила меня сестра. – А капкейки, между прочим, шоколадные!

Мои любимые.

– Да ничего не изменится! – воскликнула я, но переубедить Либби было невозможно – иначе это у меня давно уже получилось бы.

И тут, точно почуяв, что речь зашла о нем, парень Либби, который то появлялся в ее жизни, то исчезал и очень любил поколачивать стены и хвастаться тем, что саму Либби он, дескать, не бьет, – вошел в комнату. Он схватил со стола капкейк и скользнул по мне недобрым взглядом.

– Ну привет, малолетка!

– Дрейк! – одернула его Либби.

– Да ладно тебе, Либбик, я же шучу, – с улыбкой ответил

Дрейк. — А то ты не видишь! Вам с сестрой пора бы научиться понимать шутки.

Он пробыл в комнате всего минуту, а уже начинал действовать мне на нервы.

— Либби, у вас нездоровые отношения, — сказала я. Дрейк был против того, чтобы сестра пускала меня в квартиру, и никак не мог ей этого простить.

— Между прочим, это не твоя квартира, — отрезал он.

— Эйвери — моя сестра! — возразила Либби.

— Наполовину, — поправил ее Дрейк и вновь улыбнулся. —

Шутка.

И все же в этой шутке была изрядная доля правды. У нас с Либби был общий отец, который в свое время бросил нас обеих, но родились мы от разных матерей. В детстве мы виделись от силы раз-два в год. И потому все очень удивились, когда два года назад Либби взяла надо мной опеку. Она была еще совсем юной. И еле-еле сводила концы с концами. Но Либби есть Либби. Человеколюбия у нее в избытке.

— Если Дрейк останется, то уйду я, — тихо сказала я.

Либби взяла капкейк и сжала его в ладонях.

— Эйвери, я делаю все, что в моих силах.

Она привыкла угождать людям. А Дрейк обожал ее провоцировать. Любил делать ей больно моими руками.

А я не могла просто сидеть и ждать, когда он перестанет бить стены и найдет себе новую мишень.

— Поживу пока в машине. Если понадобится, ищи меня

там, – сказала я сестре.

Глава 3

Мой древний «Понтиак» уже давно превратился в ржавую рухлядь, но обогрев в нем (как правило) работал – и на том спасибо. Я припарковалась за кафе, вдалеке от чужих глаз. Либби написала мне сообщение, но я так и не смогла заставить себя на него ответить и просто уставилась в потрескавшийся экран телефона. В мой тарифный план не был включен Интернет, поэтому выйти в Сеть я никак не могла, зато у меня имелся безлимитный пакет смс.

В моей жизни, кроме Либби, был только один человек, которому можно было написать в такой ситуации. Макс. Как и всегда, сообщение мое было коротким и информативным: *«Сама-знаешь-кто-вернулся»*.

На быстрый ответ я не рассчитывала. Родители Макс внесли в распорядок дня время, когда пользоваться телефоном ей было строго-настрого запрещено – а нередко и вовсе его конфисковывали. А еще они печально известны своей любовью к чтению ее переписок, поэтому я не стала упоминать имя Дрейка и ни слова не сказала о том, где именно планирую заночевать. Семейству Лью, и уж тем более приставленному ко мне соцработнику, не стоило знать, что я нахожусь вовсе не там, где должна.

Я убрала телефон и покосилась на рюкзак, лежащий на пассажирском сиденье, но все же решила отложить домашку

до утра. Потом откинулась на спинку водительского кресла и закрыла глаза, но сон все не шел, и я достала из бардачка единственную ценность, оставшуюся у меня от мамы, – стопку открыток. Тут их были десятки. Десятки мест, куда мы мечтали поехать вдвоем.

Гавайи. Новая Зеландия. Мачу-Пикчу. Я рассматривала картинки одну за другой и представляла себя где угодно, но только не здесь. В Токио. На Бали. В Греции. Сама не знаю, сколько времени я провела наедине с этими мыслями, но вдруг телефон просигнализировал. На экране появился ответ Макс на сообщение о Дрейке.

«Вот верблюдок!» – написала она. А через секунду спросила: *«Ты как, ничего?»*

Макс переехала из города после восьмого класса. С тех пор мы общались в основном по переписке, причем Макс старалась не материться, боясь, что это прочтут родители.

Так что ей приходилось проявлять изобретательность.

«Терпимо», – написала я в ответ, и тут уже праведный гнев Макс на моего обидчика излился в полную силу.

«А НЕ ПОШЕЛ БЫ ЭТОТ ОХУРМЕВШИЙ СУДАК В АНТИЛОПУ! ПУСТЬ БУЙ СОСЕТ!»

Через мгновение у меня зазвонил телефон.

– Ты точно в порядке? – спросила Макс, когда я подняла трубку.

Я опустила взгляд на открытки, лежащие у меня на коленях, и к горлу подкатил ком. Я непременно закончу школу.

Подам во все колледжи, в какие только можно, исходя из отметок в аттестате. Получу востребованное образование, которое позволит мне работать удаленно и получать достойные деньги.

Побываю во всех странах.

Я выдохнула – медленно и судорожно, – а потом ответила:
– Ты же меня знаешь, Максим. Я непременно выкручусь, что бы ни случилось.

Глава 4

За ночевку в машине пришлось сполна заплатить на следующий день. Все тело страшно болело, а после физкультуры пришлось принять душ, потому что вытираться салфетками в туалете кафе – не лучший способ соблюдать личную гигиену. Времени высушить волосы у меня не было, так что на следующий урок пришлось заявиться с мокрой головой. Видок у меня был, прямо скажем, неважный, но я всю свою жизнь проучилась в одной школе с одними и теми же ребятами. А среди них успела стать невидимкой.

Никто не обратил на меня внимания.

– Текст *«Ромео и Джульетты»* просто усыпан пословицами – лаконичными, но содержательными крупными мудрости, рассказывающими о законах, по которым живут человек и мир. – Наша преподавательница английского была еще совсем юной и очень пылкой, но сегодня она превзошла саму себя – и если честно, я начала подозревать, что она перебрала с кофе. – Но давайте ненадолго отвлечемся от Шекспира. Кто может привести пример поговорок, которые мы используем в повседневной жизни?

«На босую ногу всякий башмак впору», – пронеслось у меня в мыслях. В голове что-то стучало, по спине скатывались капельки воды. *«Голь на выдумки хитра. Хуже нищеты только смерть»*.

Дверь в класс распахнулась. На пороге появилась секретарша. Дождавшись, пока учительница на нее взглянет, она объявила:

– Эйвери Грэмбс ждут в кабинете директора.

По всей видимости, это значило, что мой тест уже проверили.

* * *

Я понимала, что никаких извинений ждать не стоит, но никак не могла предвидеть, что мистер Альтман встретит меня у секретарского стола с таким восторгом в глазах, будто его только что посетил сам папа римский.

– Эйвери!

В голове у меня тотчас же раздался тревожный звоночек – как-никак, на моей памяти еще никто и никогда так не радовался моему появлению.

– Прошу за мной, – сказал директор и распахнул дверь своего кабинета. Я увидела знакомую прическу – неоновосиний хвост.

– Либби? – сказала я. На ней была форма медсестры с принтом в виде черепов и ни грамма косметики, а это означало, что в школу она пришла прямо с работы. Посреди смены. А санитаров, работающих в домах престарелых, не станут просто так отпускать посреди смены.

Только если случится что-то очень серьезное.

— А что, папа... — начала я и осеклась, не в силах закончить вопрос.

— Ваш отец в полном порядке, — ответил мне незнакомый голос, не принадлежавший ни Либби, ни директору Альтману. Я вскинула голову и посмотрела вперед, поверх сестры. Стул за директорским столом был занят — на нем сидел парень немногим старше меня. *Да что тут вообще творится?*

Одет он был в костюм и производил впечатление человека, которому под стать повсюду ходить со свитой.

— По имеющимся у меня данным, — продолжил он густым, низким голосом, размеренно и четко, — еще вчера Рики Грэмбс был цел и невредим и мирно уснул в номере мотеля в Мичигане, в часе езды от Детройта.

Я постаралась отвести от него взгляд — но тщетно. Белокурые волосы. Светлые глаза. Черты до того острые, что ими, казалось, можно скалу рассечь.

— И откуда вам это известно? — спросила я. Даже мне было невдомек, где носит моего нерадивого папашу. А он-то это как узнал?

Парень в костюме на мой вопрос не ответил. Вместо этого он многозначительно вскинул бровь.

— Мистер Альтман, не оставите нас на минутку? — спросил он.

Директор раскрыл было рот — видимо, чтобы возразить против выдворения из собственного кабинета, — но незнакомец поднял бровь еще выше.

– Помнится, у нас с вами был уговор.

Альтман прочистил горло.

– Ну разумеется. – Он развернулся и вышел. Дверь захлопнулась у него за спиной, а я продолжила бессовестно пялиться на парня, выгнавшего директора.

– Вы спросили, откуда мне известно местонахождение вашего отца, – проговорил он. Глаза у него были такого же цвета, как костюм – серые, почти серебристые. – На данном этапе советую вам просто принять за данность тот факт, что мне известно все.

Если бы не смысл сказанных им слов, слушать его было бы одно удовольствие.

– Парень, который считает, что знает все на свете, – пробормотала я. – Это что-то новенькое.

– А вы, стало быть, девчонка с лезвием бритвы вместо языка, а? – сострил он в ответ, не сводя с меня серебристых глаз. Уголки его губ дрогнули в улыбке.

– Кто вы? И что вам нужно? – спросила я. *От меня*, – пронеслось в голове. – *Что вам нужно от меня?*

– Передать вам информацию, только и всего, – ответил он. По не вполне понятным даже мне самой причинам сердце в груди тревожно заколотилось. – Это оказалось сложно сделать традиционным способом.

– Это все я виновата, – робко вставила Либби, сидевшая у меня за спиной.

– В чем это ты виновата? – спросила я и обернулась к сест-

ре, радуясь поводу отвести взгляд от Сероглазого и борясь с желанием снова на него уставиться.

– Первое, что тебе нужно знать, – начала Либби со всей серьезностью, какой только можно ждать от человека в форме медсестры с принтом в виде россыпи черепушек, – так это то, что я и не догадывалась, что письма – настоящие!

– Какие еще письма? – спросила я. Кажется, одна я в этой комнате не понимала, что происходит, и никак не могла избавиться от ощущения, что это непонимание мне страшно мешает; я чувствовала себя как человек, стоящий посреди железнодорожных путей и не знающий, с какой стороны поедет поезд.

– Заказные письма, которые юристы моего отца вот уже три недели высылают на ваш адрес, – пояснил парень в костюме, и его голос окутал меня, точно одеяло.

– Я подумала, что это какие-то мошенники, – пояснила Либби.

– Уверяю вас, это не так, – бархатным тоном заверил ее парень.

Чутье, впрочем, подсказывало, что таким красавчикам не стоит верить на слово.

– Давайте начнем с самого начала. – Он сложил руки на столе, темневшем между нами, так, что большой палец правой руки оказался над запонкой, поблескивавшей на запястье левой. – Меня зовут Грэйсон Хоторн. Я выступаю от лица юридической конторы «Макнамара, Ортега и Джонс»,

которая находится в Далласе и занимается вопросами, связанными с недвижимостью моего деда. – Грэйсон снова заглянул мне в глаза. – Несколько недель назад деда не стало, – повисла весомая пауза. – Его звали Тобиас Хоторн, – уточнил он и умолк, наблюдая за моей реакцией – точнее, за полным ее отсутствием. – Вам это о чем-нибудь говорит?

Ощущение, что я стою посреди путей, снова вернулось.

– Нет, – призналась я. – А должно?

– Мисс Грэмбс, мой дед был весьма состоятельным человеком. И, насколько мне известно, помимо родственников и людей, которые служили ему многие годы, в его завещании упомянуты и вы.

Смысл сказанных им слов упрямо от меня ускользал.

– Где-где упомянута?

– В завещании, – повторил Грэйсон, и его губы тронула легкая улыбка. – Мне доподлинно неизвестно, что он вам оставил, но ваше присутствие на оглашении завещания совершенно необходимо. Мы уже несколько недель его откладываем.

Притом что я отнюдь не считала себя глупой, я не понимала ни слова – с таким же успехом Грэйсон Хоторн мог бы заговорить со мной на шведском.

– С какой стати вашему деду что-то мне оставлять? – спросила я.

Грэйсон поднялся.

– Вот уж и правда вопрос на миллион. – Он вышел из-за

стола, и тут я отчетливо поняла, с какой стороны несется тот самый поезд.

С его.

– Я взял на себя смелость лично организовать вашу поездку «от» и «до».

Это было вовсе не приглашение. А приказ.

– А с чего вы взяли... – начала было я, но Либби не дала мне закончить.

– Прекрасно! – воскликнула она, неодобрительно на меня покосившись.

Грэйсон усмехнулся.

– Оставляю вас ненадолго, пожалуй.

Он задержал на мне взгляд – ровно настолько, чтобы мне сделалось не по себе, – и, не проронив больше ни слова, вышел за дверь.

Долгих пять секунд мы с сестрой молчали.

– Не пойми меня неправильно, – прошептала она наконец, – но, по-моему, это сам Господь Бог.

Я фыркнула.

– Уж он-то точно так думает. – Теперь, когда Грэйсон вышел, его удивительное влияние на меня заметно ослабело. И откуда в нем столько самонадеянности? Она читалась во всем: в манере держаться, в выборе слов, в каждом движении. Власть для этого парня явно была реальностью, как и сила притяжения. Весь мир крутится вокруг Грэйсона Хоторна. А если чего-то нельзя купить за деньги, на помощь

придет пронзительный взгляд.

– Расскажи все с самого начала, – попросила я Либби. – И ни о чем не умалчивай.

Она беспокойно задержала чернильно-черные кончики своего синего хвоста.

– Пару недель назад нам начали приходить эти самые письма, адресованные тебе и мне – как твоему законному представителю. Там было сказано, что тебе по наследству переходит некоторая сумма денег, а еще там был номер, по которому надо было позвонить. Я решила, что это какая-то афера. Вроде тех писем якобы от заморских принцев.

– Но с какой стати этому самому Тобиасу Хоторну – с которым я ни разу не встречалась, о котором даже не слышала! – включать меня в завешание? – спросила я.

– Понятия не имею, – призналась Либби. – Но этот-то, – она кивнула на дверь, за которой только что скрылся Грэйсон, – точно не мошенник! Ты вообще *видела*, как он приструнил директора Альтмана? Как думаешь, чем он добился этого самого «уговора»? Взятками... или, может, угрозой?

И тем и другим. Проглотив этот ответ, я достала телефон и подключилась к школьному вай-фаю. Вбила в строку поиска имя «Тобиас Хоторн», и на экране тут же высветился новостной заголовок: «Известный филантроп ушел из жизни в возрасте 78 лет».

– Ты в курсе, что значит «филантроп»? – серьезно спросила меня сестра. – Это значит – *богач*.

– Точнее, тот, кто жертвует деньги на благотворительность, – поправила я ее.

– То есть *богач*. – Либби многозначительно посмотрела на меня. – А вдруг ты и есть его благотворительный проект, а? Они бы не стали отправлять его внука сюда, если бы речь шла о нескольких сотнях долларов. На кону наверняка тысячи. На эти деньги ты могла бы объездить мир – или оплатить учебу в колледже – или купить машину получше!

Сердце в груди снова забилось быстрее.

– И все же: зачем совершенно незнакомому человеку оставлять мне наследство? – повторила я, борясь с желанием погрузиться в сладостные мечты хоть на секундочку – я боялась, что если начну, остановиться будет уже невозможно.

– Может, он был знаком с твоей мамой? – предположила Либби. – В общем, непонятно, но я точно знаю, что тебе обязательно надо поехать на оглашение этого самого завещания.

– Я не могу просто так взять и сорваться! – возразила я. – Да и ты не можешь! – Ведь это значило, что мы обе пропустим работу. А я – еще и учебу. К тому же... Из-за поездки Либби пришлось бы расстаться с Дрейком, пускай и ненадолго.

А если все это правда... с каждой секундой становилось все сложнее *не думать* о тех возможностях, которые передо мной открывались.

– Меня подменят на работе в ближайшие два дня, – сообщила Либби. – И тебя тоже – об этом я уже позаботилась,

сделав несколько звонков. – Она взяла меня за руку. – Ну же, Эйв! Разве же это не здорово – отправиться вдвоем в такое путешествие!

Она сжала мою ладонь. Через пару мгновений я ответила тем же.

– А где именно будут оглашать это самое завещание?

– В Техасе! – просияв, сообщила Либби. – И, главное, нам не просто забронировали какие-то там билеты! Мы летим *первым классом*!

Глава 5

Это был мой первый в жизни полет. Глядя вниз с высоты десяти тысяч футов, я представляла, что лечу не в Техас – а гораздо дальше. В Париж. На Бали. На Мачу-Пикчу. Все эти мечты всегда казались мне такими *несбыточными*...

Но теперь...

– Пора фоткаться! – заявила Либби. Она сидела рядом со мной и с нескрываемым наслаждением попивала коктейль, которым ее бесплатно угостили в салоне. – Придвинься ко мне и покажи-ка в камеру свои орешки¹!

Дама, сидевшая через проход от нас, метнула в Либби неодобрительный взгляд. Даже не знаю, что именно вызвало ее недовольство: то ли цвет волос моей сестры, то ли камуфляжная куртка, в которую она переоделась из рабочей формы, то ли чокер с шипами на шее, то ли селфи, которое она пыталась сделать, то ли громкость, с какой Либби попросила меня «показать орешки».

Состроив самое что ни на есть высокомерное выражение лица, я склонилась к сестре и приподняла миску с орешками.

Либби положила голову мне на плечо и сделала снимок. Потом повернула телефон и показала мне, что получилось.

– Скину, когда приземлимся, – пообещала она, и улыбка

¹ Речь идет о закуске: в американских самолетах пассажирам первого класса часто предлагают ореховые смеси. – *Прим. перев.*

на ее лице на миг дрогнула. — Только никуда не выкладывай, ладно?

То есть Дрейк не знает, где ты сейчас, да?

Я с трудом подавила в себе желание напомнить ей, что она, вообще-то, вправе жить, как ей самой хочется. Но ссориться мне не хотелось.

— Хорошо, — пообещала я. Жертва, сказать по правде, была не такой уж и огромной. У меня были аккаунты в соцсетях, но в основном я использовала их только чтобы переписываться с Макс.

Кстати, о ней... я вытащила телефон из кармана. Он стоял на авиарежиме, а значит, отправить сообщение было невозможно, но в салоне первого класса имелся бесплатный вай-фай. Я быстренько написала Макс о последних новостях, а остаток полета захлеб читала о Тобиасе Хоторне.

Он сколотил капитал на продаже нефти, а потом начал вкладывать его в другие предприятия. Упоминание Грэйсона о том, что его дед «был весьма состоятельным человеком», и слово «филантроп» из газетного заголовка навели меня на мысль, что он, должно быть, миллионер.

Но я ошиблась.

Тобиас Хоторн был не просто «весьма состоятельным» и «обеспеченным». Степень его богатства можно было описать только нецензурными выражениями, подставив соответствующее крепкое словцо по своему вкусу вместо первого слова во фразе «бессовестно богат». Его состояние исчислялось

миллиардами – причем именно так, во множественном числе. В списке богатейших дельцов США он занимал девятую строчку и был самым состоятельным жителем штата Техас.

Сорок шесть целых и два десятых миллиарда долларов. Вот сколько составлял его капитал. Трудно было поверить в реальность таких огромных цифр. В конце концов я перестала размышлять, с чего бы незнакомцу оставлять мне деньги – и начала гадать сколько.

Макс ответила мне перед самой посадкой:

Ты что это, тучка крашеная, разыграть меня вздумала?

Я улыбнулась.

А вот и нет! Я реально сейчас в самолете. И мы вот-вот сядем в Техасе.

Макс на это ответила только:

Твою ж кровать.

* * *

Как только мы с Либби прошли контроль, к нам подошла брюнетка в белом деловом костюме.

– Мисс Грэмбс! – поприветствовала она меня и кивнула, а потом повторила все то же самое, глядя на Либби. – Мисс Грэмбс! – Затем она отвернулась и зашагала вперед, вынуждая нас последовать за ней. Как ни досадно признавать, но мы обе тут же зашагали следом. – Меня зовут Алиса Ортега, – пояснила дама. – Я представляю контору «Макнамара,

Ортега и Джонс». – Последовала еще одна пауза, после чего Алиса покосилась на меня. – Надо сказать, что с вами было крайне трудно связаться, юная леди.

Я пожала плечами.

– Я же в машине живу.

– Неправда! – быстро перебила меня Либби. – Скажи, что это неправда.

– Мы рады, что вы выкроили время и добрались до нас. – Алиса Ортега из конторы «Макнамара, Ортега и Джонс» не стала дожидаться от меня никаких объяснений. Меня не оставляло чувство, что мое непосредственное участие в этой беседе совсем не обязательно. – Пока вы в Техасе, можете считать себя гостями семейства Хоторнов. Я буду вашим посредником от лица фирмы. С любыми вопросами и нуждами обращайтесь прямо ко мне.

А разве у юристов не почасовая оплата? – подумалось мне. Во сколько, интересно, обошлось семейству Хоторнов персональное сопровождение? О том, что эта дама вполне может и не быть юристом, я даже не подумала. На вид ей было никак не больше тридцати. И веяло от нее тем же, чем и от Грэйсона Хоторна. *Властью.*

– Может, вам нужна какая-нибудь помощь? – уточнила Алиса Ортега на пути к автоматической двери. Шагала она решительно и энергично и не сбавила скорости даже тогда, когда стало казаться, что дверь не успеет распахнуться вовремя.

Я дождалась, пока дверь все-таки откроется, и только потом ответила:

– Информация бы не помешала.

– Хотелось бы поконкретнее.

– Вам известно, о чем говорится в завещании?

– Нет. – Алиса кивнула на черный седан, поджидавший нас у тротуара, и распахнула передо мной заднюю дверь. Я скользнула в салон, а Либби последовала моему примеру. Алиса разместилась на переднем пассажирском сиденье. Водительское кресло уже было занято. И как я ни старалась, рассмотреть лицо водителя так и не смогла. – Скоро вы узнаете, о чем говорится в завещании, как и все мы, – заверила меня Алиса. Безупречная аккуратность ее слов могла сравниться разве что с безукоризненной белизной костюма, который точно говорил: «Только попробуй меня испачкать, и тебе крупно не поздоровится». – Оглашение состоится вскоре после вашего прибытия в Дом Хоторнов.

Не просто «к Хоторнам», а в «Дом Хоторнов», точно речь шла о каком-то английском поместье, названном в честь его владельца.

– А где мы будем спать? – спросила Либби. – В этом самом Доме Хоторнов?

Обратные билеты были забронированы на завтра. И собирались в Техас мы с учетом ночевки.

– Вам будет предложено несколько спален на выбор, – заверила нас Алиса. – Мистер Хоторн купил землю, на кото-

рой стоит дом, больше полувека назад, и не проходило и года, чтобы он чего-нибудь к нему не пристраивал, превращая свое жилище в чудо архитектуры. Я уже сбилась со счета и не могу вам сказать, сколько там спален, но никак не меньше тридцати. Дом Хоторнов... сооружение незаурядное.

Пока что это было самое информативное из ее высказываний, и я решила попытать удачи.

– Мистер Хоторн тоже, наверное, был человеком незаурядным, да?

– Вы угадали, – ответила Алиса и посмотрела на меня. – Мистер Хоторн любил догадливых.

Меня захлестнуло зловещее предчувствие. *А вдруг из-за этого он меня и выбрал?*

– А вы хорошо его знали? – осведомилась Либби, сидевшая рядом со мной.

– Мой отец был юристом Тобиаса Хоторна и поступил к нему на работу еще до моего рождения. – Теперь тон Алисы Ортеги утратил прежнюю властность. Стал куда мягче. – В детстве я много времени проводила в Доме Хоторнов, можно сказать, выросла там.

Для нее он не просто клиент, подумалось мне.

– Как вы думаете, почему я здесь? – спросила я. – С какой стати он что-то мне завещал?

– Скажите, а вам никогда не хотелось спасти весь мир? – спросила Алиса, точно это был совершенно обыденный вопрос.

– Нет, – неуверенно ответила я.

– А бывало ли в вашей жизни такое, что ее разрушал человек по фамилии Хоторн? – продолжила расспросы Алиса.

Я удивленно уставилась на нее, а потом выдавила из себя – на этот раз увереннее:

– Нет.

Алиса улыбнулась, но глаза остались серьезными.

– Вам повезло.

Глава 6

Дом Хоторнов – массивный, разросшийся во все стороны – стоял на холме. Он походил на замок – в таком под стать жить члену королевской семьи, а не какому-нибудь фермеру. Перед домом стояло с полдюжины автомобилей и побитый мотоцикл – судя по виду, его давно уже пора было разобрать на запчасти и продать.

Алиса остановила на мотоцикле взгляд.

– Видимо, Нэш вернулся-таки домой.

– Нэш? – повторила Либби.

– Старший из внуков Хоторна, – пояснила Алиса, отведя взгляд от мотоцикла и устремив его на замок. – Всего их четверо.

Четверо внуков. Я невольно вспомнила единственного Хоторна, с которым мне пока довелось встретиться. *Грэйсона*. Безукоризненный костюм по фигуре. Серебристо-серые глаза. Небрежность, с которой он велел мне «принять за данность тот факт, что ему известно все».

Алиса многозначительно посмотрела на меня.

– Послушайте человека бывалого – Хоторнам верить свое сердце не стоит.

– Не волнуйтесь, – ответила я, борясь с раздражением: само предположение Алисы – вкупе с тем фактом, что она как-то сумела догадаться по выражению моего лица, о ком же

я сейчас думаю, – меня задело. – Я свое сердце держу под замком.

* * *

Холл оказался просторнее иных домов – почти тысячу квадратных футов, точно человек, приказавший его построить, боялся, что тут однажды придется проводить балы. По обе стороны от него высились каменные арки, а парочкой этажей выше зал венчал нарядный потолок, украшенный искусными узорами, вырезанными из дерева. От одного взгляда на него у меня захватило дух.

– Вот вы и на месте, – произнес знакомый голос, мгновенно вернувший меня с небес на землю. – И как раз вовремя. Я так понимаю, сложностей во время полета не возникло?

Сегодня на Грэйсоне Хоторне был другой костюм – черный. А заодно и черная рубашка и галстук в тон.

– А, это *вы*, – сказала Алиса, смерив его ледяным взглядом.

– Я так понимаю, меня не простили за вмешательство? – уточнил Грэйсон.

– Вам девятнадцать, – парировала Алиса. – Неужели так уж сложно вести себя соответственно?

– Да, если честно, – парировал Грэйсон и ослепительно улыбнулся. – Добро пожаловать. – Я не сразу поняла, что под «вмешательством» он имел в виду тот наш разговор в каби-

нете у директора. — Дамы, позвольте, я заберу ваши пальто.

— Я свое не сниму, — возразила я. Во мне вдруг вскипел дух противоречия — да и потом, мне показалось, что дополнительный слой защиты между собой и окружающим миром мне сегодня не помешает.

— А вы? — спросил Грэйсон у Либби, которая все любовалась холлом. Она сбросила пальто и отдала ему. Грэйсон нырнул в одну из каменных арок. По ту сторону виднелся коридор. Стены были увешаны деревянными панелями. Он опустил ладонь на одну из них и нажал. Потом повернул руку на девяносто градусов, нажал на следующую панель, а следом ударил еще по двум, и с таким проворством, что едва можно было заметить. Послышался щелчок, и перед ним появилась дверь, которую сложно было бы разглядеть на фоне стены, не распахнись она настежь.

— Что за... — начала было я.

Грэйсон сунул руку внутрь и вытащил вешалку.

— Шкаф для верхней одежды, — ответил он. И это прозвучало вовсе не как объяснение. А как ярлык, точно в любом старом доме были вот такие вот старые шкафы.

Алиса сочла происходящее знаком того, что нас уже можно оставить в умелых руках Грэйсона, а я тщетно старалась найти в себе силы на то, чтобы не просто стоять и пялиться, распахнув рот, как рыба, а изобразить какую-нибудь более вразумительную реакцию. Грэйсон хотел было закрыть шкаф, но остановился, уловив звук, доносящийся изнутри.

Сперва я услышала скрип, а потом стук. За рядами верхней одежды кто-то закопошился, а потом из темного шкафа на свет вынырнула фигура. Это был парень – мой ровесник, а может, чуть младше. На нем тоже был костюм – но на этом сходство с Грэйсоном заканчивалось. Одежда у парня была вся мятая – точно он в ней спал, причем раз двадцать. Пиджак – расстегнут. Галстук – развязан и болтается на плече. Рост у него был высокий, а вот лицо – совсем детское, обрамленное густым облаком черных кудрей. Глаза были золотистые, как и кожа.

– Я опоздал? – поинтересовался он у Грэйсона.

– Уж лучше бы ты это у своих часов спросил.

– А Джеймсон приехал? – уточнил темноволосый парень.

Грэйсон заметно напрягся.

– Нет.

Парень ухмыльнулся.

– Значит, не опоздал! – Он взглянул поверх Грэйсона на меня с Либби. – А это, должно быть, наши гости! Возмутительно, что ты, Грэйсон, еще нас не познакомил! Где твои манеры?

Мышца на скуле у Грэйсона дрогнула.

– Это Эйвери Грэмбс и ее сестра Либби, – официальным тоном произнес он. – Леди, познакомьтесь, мой брат Александр. – Сперва мне показалось, что иных пояснений не будет, но тут Грэйсон выгнул бровь и добавил: – Ксандр у нас младшенький.

– Точнее, самый красивый, – поправил его Ксандр. – Знаю-знаю, вы наверняка подумали, что этому зануде, который стоит рядом со мной, необычайно идет костюм от Армани. Но, спрошу я вас, смог бы он шутя покорить Вселенную одной своей улыбкой, как это умеет юная реинкарнация Мэри Тайлер Мур, переселившаяся в тело Дина Джеймса, если представить, что тот родился в межрасовом браке? – У Ксандра, по всей видимости, был только один режим речи: сверхскоростной. – А вот и нет, – ответил он на собственный вопрос. – Не смог бы!

Он наконец примолк, дав и другим возможность вставить хоть слово.

– Приятно познакомиться, – проговорила Либби.

– И много ты времени в шкафах просиживаешь? – спросила я.

Ксандр отряхнул ладони о штаны.

– Там секретный ход, – пояснил он, переключившись на попытки отряхнуть штаны ладонями. – Тут их полно.

Глава 7

Меня так и подмывало достать из кармана телефон и начать фотографировать все подряд, но я его подавила. Либби же, напротив, не стала отказывать себе в удовольствии.

– Мадемуазель! – проговорил Ксандр, шагнув в сторону и загородив спиной один из видов, которые Либби хотела запечатлеть. – Могу я спросить: как вы относитесь к «американским горкам»?

Либби изумленно выкатила глаза – казалось, они вот-вот выскочат из глазниц.

– А что, тут еще и «американские горки» есть?

Ксандр широко улыбнулся.

– Не совсем так. – А в следующий миг «младшенький» отпрыск семейства Хоторнов, в котором было по меньшей мере шесть футов и три дюйма роста², уже тащил мою сестру к дальней стене холла.

А я все никак не могла взять в толк, что тут происходит. Как такое может быть, что на вопрос, есть ли *в доме* «американские горки», человек отвечает – «*не совсем так*»? Грэйсон усмехнулся. Я поймала на себе его взгляд и сощурилась.

– Что?

– Да ничего, – отозвался он, но приподнятые уголки губ

² Т. е. около 190 см. – *Прим. перев.*

свидетельствовали об обратном. – У вас просто... очень выразительное лицо.

А вот и неправда. Либби часто говорила мне, что выражение моего лица крайне сложно прочесть. Во многом именно благодаря своей невозмутимости я вот уже несколько месяцев выигрывала у Гарри право накормить его завтраком. Так что ни о какой выразительности не могло быть и речи.

Да и вообще, лицо у меня самое что ни на есть обычное.

– Хочу принести извинения за Ксандра, – продолжал Грэйсон. – Такие старомодные привычки, как «подумать, прежде чем сказать» или «хотя бы три секунды постоять спокойно», претят его натуре. – Он опустил взгляд. – Но даже в худшие из дней с ним все равно никто из нас не сравнится.

– Мисс Ортега упомянула, что всего вас четверо, – выпалила я, не сдержавшись. Мне не терпелось побольше разузнать об этой семье. О *нем*. – Четверо внуков, – уточнила я.

– У меня есть три брата, – поведал Грэйсон. – Все от одной матери, но от разных отцов. У Зары, нашей тети, детей нет. – Он посмотрел поверх меня куда-то вдаль. – Кстати, если уж говорить о родственниках, то сочту за должное извиниться еще раз – заранее.

– Грэй, золотце! – К нам подбежала женщина. Как только ее пышная одежда, взметнувшаяся от суетливого бега, опала и распрямилась, я тут же попыталась определить на вид, сколько же ей лет. Старше тридцати, но младше пятидесяти. Точнее и не скажешь. – Нас уже все ждут в Большой зале!

Точнее, все там вот-вот соберутся! – сообщила она Грэйсону. – А где твой брат?

– Уточни, какой именно, мама.

Женщина закатила глаза.

– Нечего мамкать мне тут, Грэйсон Хоторн! – Она повернулась ко мне. – Вы, наверное, думаете, что он так и родился в костюме, – сказала она с видом человека, готового раскрыть страшный секрет, – но Грэй в детстве был тем еще маленьким нудистом. Свободолюбивая душа, что с нее взять! Мы лет до четырех никак не могли его приучить носить одежду. Но, честно говоря, я не особо и старалась. – Она примолкла и обвела меня внимательным взглядом, даже не пытаясь маскировать свой интерес. – А вы, должно быть, Эйва.

– Эйвери, – поправил ее Грэйсон. Даже если его и смутило упоминание матери о нудистском детстве, он и виду не подал. – Ее зовут Эйвери, мама.

Женщина вздохнула, но ее лицо тут же озарила улыбка, словно она просто не в силах была смотреть на собственного сына и не возноситься на седьмое небо от счастья из-за того, что он рядом.

– Я всегда клялась, что мои дети будут звать меня по имени, – призналась она. – Что буду воспитывать их как равных. Но, справедливости ради, я всегда себя представляла мамой девочек. Но четверо сыновей спустя... – она с несравненной элегантностью пожала плечами.

С объективной точки зрения матушка Грэйсона вела себя, пожалуй, чересчур вызывающе. Но с субъективной – ее энтузиазм заражал.

– Дорогуша, вы не будете возражать, если я спрошу, когда у вас день рождения?

Этот вопрос застал меня врасплох. Рот у меня был. Функционировал он исправно. Но я не поспевала за собеседницей и не успела и слова проронить, как та уже коснулась моей щеки.

– Скорпион? Или Козерог? Ну явно же не Рыбы...

– Мама, – одернул ее Грэйсон, а потом поспешно исправился: – *Скай*.

И только спустя пару мгновений я поняла, что это, видимо, и есть ее имя, и Грэйсон произнес его в шутку, чтобы прервать этот астрологический допрос.

– Грэйсон – славный мальчик, – заверила меня Скай. – Даже слишком. – Она подмигнула мне. – Ладно, успеем еще поболтать!

– Не уверена, что в планах мисс Грэмбс – остаться тут надолго. Возможно, придется обойтись и без бесед у камина и раскладывания карт Таро. – К разговору присоединилась вторая дама – ровесница Скай, а может, чуть старше. И если мать Грэйсона отличалась чрезмерной болтливостью и пышностью наряда, то незнакомка была одета в строгую юбку-карандаш и жемчуга.

– Я – Зара Хоторн-Каллигарис, – представилась она,

скользнув по мне взглядом – не менее суровым, чем ее лицо. – Если вас не затруднит, расскажите, откуда вы знаете моего отца?

В сводчатом холле повисла напряженная тишина. Я сглотнула.

– Мы не были знакомы.

Я снова почувствовала на себе взгляд Грэйсона. Спустя мгновение, показавшееся мне целой вечностью, Зара натянуто мне улыбнулась.

– Что ж, очень признательны вам за визит. Последние недели выдались непростыми – уверена, вы понимаете, о чем я.

А все потому, что мы никак не могли с вами связаться, – мысленно закончила я за нее.

– Зара? – окликнул ее мужчина с черными блестящими волосами, зачесанными назад, и положил руку ей на талию. – Мистер Ортега хочет с тобой переговорить.

Незнакомец – я решила, что это муж Зары, – не удостоил меня даже взглядом.

Зато Скай сполна компенсировала его безразличие – причем не раз.

– Моя сестрица перебрасывается с людьми парочкой слов. А я затеваю разговоры, – пояснила она. – Чудесные разговоры! Честно говоря, так и получилось, что я стала матерью четверых сыновей. А все благодаря волшебным, *приватным* разговорам с четырьмя замечательными мужчинами...

– Готов тебе заплатить, чтобы ты избавила нас от подробностей, – сказал Грэйсон, поморщившись, точно от боли.

Скай потрепала сынишку за щечку.

– Взятки. Угрозы. Откупы. Все же Хоторнову натуру не скрыть, даже если бы ты, золотце мое, попытался. – Она многозначительно мне улыбнулась. – Недаром мы его называем престолонаследником.

Когда она произнесла это слово – престолонаследник, – в ее тоне – да и во взгляде Грэйсона – что-то разительно изменилось, наведя меня на мысль о том, что я страшно недооценила масштабы нетерпения, с каким Хоторны дожидаются чтения завещания.

Они ведь тоже не знают, о чем в нем говорится. Мне вдруг показалось, что я ступила на арену, не имея ни малейшего представления о правилах игры.

– А не пройти ли нам в Большую залу? – спросила Скай, обхватив руками наши с Грэйсоном плечи.

Глава 8

Большая зала была примерно на треть меньше холла. Посреди нее располагался огромный каменный камин, украшенный фигурками горгулий. Выглядели они совсем как живые.

Грэйсон усадил нас с Либби на кресла с подголовниками, извинился и направился в противоположную сторону, где стояли три пожилых джентльмена в костюмах и разговаривали с Зарой и ее супругом.

Юристы, – догадалась я. Через несколько минут к ним примкнула и Алиса, а я тем временем разглядела остальных, кто присутствовал в комнате. Тут была супружеская пара «белых» – на вид им было лет по шестьдесят. Темнокожий мужчина примерно на пятом десятке с военной выправкой, который стоял спиной к стене, так, чтобы оба выхода оставались в поле его зрения. Ксандр в компании, по всей видимости, еще одного из братьев Хоторнов. Этот был старше – лет двадцать пять на вид. Судя по прическе, в парикмахерской он не был давно. Одет он был в костюм, а на ногах красовались ковбойские сапоги – как и мотоцикл у дома, они явно знавали лучшие времена.

Нэш, – подумала я, припомнив имя, названное Алисой.

Наконец к толпе присоединилась дама в преклонных летах. Увидев ее, Нэш предложил ей руку, но она предпочла

Ксандра. Он подвел ее прямо к Либби и объявил:

– Это ба. Великая женщина. Настоящая легенда.

– Ой, скажешь тоже, – сказала дама, похлопав парня по руке. – Я – прабабушка этого негодника, – пояснила она и с немалым трудом уселась в соседнее кресло. – Стара как мир, а вреднее вдвое!

– На самом деле бабуля и мухи не обидит, – беззаботно заверил меня Ксандр. – А я – ее главный любимчик!

– Никакой ты не любимчик, – проворчала она в ответ.

– Да ладно тебе, во мне же все души не чают! – просияв, заявил Ксандр.

– Ты неисправим, весь в дедушку, – заметила прабабушка. Она закрыла глаза, и я заметила, что руки у нее слегка подрагивают. – Страшный был человек, – заявила она, но в ее тоне мелькнула нежность.

– Мистер Хоторн приходился вам сыном? – мягко спросила Либби. Как человек, работающий с пожилыми пациентами, она знала к ним подход и была прекрасным слушателем.

Прабабушка не упустила возможности усмехнуться.

– Зятем.

– В нем она тоже души не чаяла, – пояснил Ксандр. В его словах слышалась какая-то горечь. А ведь мы собрались во-все не на похороны. Тело мистера Хоторна наверняка предали земле аж несколько недель тому назад, но я отчетливо ощутила скорбь – можно даже сказать, *почуяла ее дух*.

– Эйв, ты как, в порядке? – спросила Либби. Мне вспом-

нились слова Грэйсона о том, что у меня очень выразительное лицо.

Лучше уж думать о Грэйсоне Хоторне, чем о похоронах и скорби.

– В порядке, – заверила я Либби. Хотя это была ложь. Даже через два года после смерти мамы меня нет-нет да и накрывала тоска – мощная, как волна цунами. – Пойду проветрюсь немного, – сказала я, натянуто улыбнувшись. – Глоток свежего воздуха мне сейчас не помешает.

У порога меня перехватил супруг Зары.

– Куда это вы? – поинтересовался он, схватив меня за локоть. – Мы вот-вот начнем.

Я высвободилась из его хватки. Плевать, кто все эти люди. Никто не давал им права меня трогать.

– Мне говорили, что у мистера Хоторна было четверо внуков, – ледяным тоном произнесла я. – По моим подсчетам, в зале не хватает одного. Я вернусь через минуту. Вы и не заметите, что я уходила.

В итоге я оказалась не у парадных дверей, а на заднем дворике – если его вообще можно было назвать «двориком». Кругом царили аккуратность и чистота. Тут был фонтан. Сад скульптур. Оранжерея. А вдаль – сколько хватало глаз – простирались *земли*. Тут были и поля с лужайками, и лесистые участки. Но, всматриваясь в эту даль, нетрудно было представить, что человек, решившийся дойти до линии горизонта, обратно вернуться уже не сумеет.

– Коли «нет» – это «да», а «однажды» – «никогда», то сколько сторон у треугольника? – слышалось сверху. Я подняла глаза и увидела парня, сидевшего на кованой балконной ограде, опасно наклонившись вперед. И *пьяного*.

– Вы сейчас упадете, – сказала я.

Он ухмыльнулся.

– Интересное предложение.

– Это не предложение.

Парень лениво улыбнулся.

– Ну, вообще-то, делать Хоторнам предложение – большая честь, – заметил он. Волосы у него были темнее, чем у Грейсона, но светлее, чем у Ксандра. Рубашки не было вовсе.

Отличное решение, учитывая, что на дворе зима, – язвительно подумала я, но не сдержалась и скользнула взглядом по его телу. Он был стройный и гибкий, а на животе отчетливо выступали мускулы. От ключицы до бедра тянулся длинный тонкий шрам.

– А вы, должно быть, та самая Таинственная Незнакомка, – предположил он.

– Я Эйвери, – поправила я его. На улицу меня выгнало желание спрятаться ненадолго от Хоторнов и их горя. Но на лице этого парня не было и тени беспокойства, точно жизнь для него состояла из одних лишь радостей. Точно он вовсе не горевал так же сильно, как те, кто остался в доме.

– Как скажете, ТН, – парировал он. – Можно я буду звать вас ТН, а Таинственная Незнакомка?

Я скрестила руки на груди.

– Нет.

Он закинул ноги на кованую ограду и встал. Его сильно пошатывало, и на мгновение меня объяло леденящее кровь предчувствие. *Он скорбит и пьян до чертиков.* Когда умерла моя мама, я не позволяла себе опуститься до саморазрушения. Но это не значило, что меня не тянуло к нему.

Он переместил вес на одну ногу, а вторую вытянул вперед.

– Осторожно! – воскликнула я, но не успела ничего добавить, как парень подскочил и схватился за ограду руками, застыв в вертикальном положении. Ноги болтались в воздухе безо всякой опоры. Я видела, как напряглись спинные мышцы, вздыбившиеся над лопатками, пока он опускался... а потом он разжал руки.

И приземлился совсем рядом.

– Не стоило вам здесь показываться, ТН.

Забавное замечание, учитывая, что вовсе не я тут прыгаю с балконов без рубашки.

– То же могу сказать и вам, – парировала я.

Интересно, подумала я, догадывается ли он, как быстро сейчас колотится мое сердце. Интересно, а у него оно сейчас бьется ровно – или нет?

– А если я делаю то, чего не стоит, не чаще, чем говорю то, чего не надо бы, – ухмыльнувшись, произнес он, – то кто я после этого?

Джеймсон Хоторн, пронеслось у меня в голове. Вблизи я

различила цвет его глаз – темную, бездонную зелень.

– Так кто же я после этого? – пытливо повторил он.

Я заглянула ему в глаза. Обвела взглядом мышцы. Растрепанные волосы, на которых кое-где поблескивали остатки геля.

– Пьяница, – отчеканила я и, почувствовав, что пора бы уже возвращаться в дом, как бы мне этого ни не хотелось, добавила: – А еще – две.

– Чего две? – переспросил Джеймсон Хоторн.

– Это ответ на вашу первую загадку, – пояснила я. – Коли «нет» – это «да», а «однажды» – «никогда», то у треугольника *две* стороны, – выпалила я, не потрудившись пояснить, как именно пришла к этому выводу.

– Один-ноль в вашу пользу, ТН. Один-ноль, – сказал Джеймсон и, поравнявшись со мной, едва ощутимо коснулся моей руки – и удалился.

Глава 9

Я задержалась во дворе еще на несколько минут. В реальность этого дня и всех его событий трудно было поверить. Завтра мне предстоит вернуться в Коннектикут со слегка отяжелевшим кошельком (если все сложится удачно) и с занятной историей, и, возможно, я больше никогда в жизни не увижусь с Хоторнами.

И не смогу любоваться *такими* пейзажами.

Когда я вернулась в Большую залу, выяснилось, что за это время Джеймсон Хоторн волшебным образом успел разжиться рубашкой и пиджаком. Заметив меня, он улыбнулся и ненавязчиво мне помахал. Грэйсон, стоявший неподалеку, заметно напрягся, на лице у него заходили желваки.

– Ну что ж, раз все в сборе, приступим к делу, – сказал один из юристов.

Юристы встали в треугольник. Тот, который предложил приступить к делу, был таким же смуглым, темноволосым и самоуверенным с виду, как Алиса. Я решила, что это, должно быть, Ортега из конторы «Макнамара, Ортега и Джонс». Остальные – их я приняла за Джонса и Макнамару – стояли по правую и левую руки от него.

И с каких это пор для оглашения завещания требуется целых четыре юриста? – подумала я.

– Вы все собрались здесь, – продолжил мистер Ортега на-

рочито громко, чтобы голос доносился до самых дальних углов комнаты, – чтобы узнать, какова последняя воля Тобиаса Сносома Хоторна. В соответствии с желанием мистера Хоторна мои коллеги вручат вам письма, оставленные им для каждого из вас.

Остальные юристы начали обходить залу, поочередно вручая присутствующим конверты.

– Их можно будет вскрыть, когда мы огласим завещание.

Мне тоже вручили конверт. На нем безупречным почерком было выведено мое полное имя. Либби, стоявшая рядом, выжидающе посмотрела на юриста, но он прошел мимо нее и продолжил вручать конверты другим адресатам.

– Мистер Хоторн особо подчеркнул, что на оглашении его последней воли должны лично присутствовать Скай Хоторн, Зара Хоторн-Каллигарис, Нэш Хоторн, Грэйсон Хоторн, Джеймсон Хоторн, Александр Хоторн и мисс Эйвери Кайли Грэмбс из Нью-Касла, штат Коннектикут.

Мне тут же сделалось не по себе, будто бы я оказалась на глазах у огромной толпы нагишом.

– Поскольку все вышеназванные в сборе, – продолжал мистер Ортега, – можно начинать.

Либби украдкой взяла меня за руку.

– «Я, Тобиас Сносом Хоторн, будучи в здравом уме и твердой памяти, завещаю распорядиться моим материальным имуществом, включая все финансы и физические активы, следующим образом, – начал

читать мистер Ортега. – Эндрю и Лотти Лафлин, которые многие годы верно служили мне, я завещаю сумму в размере сто тысяч долларов каждому с пожизненным правом бесплатного проживания в Вэйбек-Коттедже, расположенном у западной границы моих техасских владений».

Пожилая пара, которую я уже видела раньше, радостно обнялась. У меня в мыслях было только одно: **СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ!** Личное присутствие Лафлинов на оглашении вовсе не требовалось, и все же им отписали целых сто тысяч долларов! Каждому!

На мгновение я даже забыла, как дышать.

– «Джону Орену, главе моей службы безопасности, который спасал мне жизнь бесчисленное множество раз, я завещаю содержимое своего сейфа, который в настоящий момент находится в конторе „Макнамара, Ортега и Джонс“, а также сумму в размере трехсот тысяч долларов».

Тобиас Хоторн знал всех этих людей лично, подумалось мне. Сердце тяжело заколотилось. Они на него работали. Они многое для него значили. А я – просто пустое место!

– «Моей теще, Перл О’Дэй, я назначаю пожизненное содержание в размере ста тысяч долларов в год, а также распоряжаюсь покрывать все ее медицинские расходы в соответствии с их перечнем, приведенным в приложении. Все драгоценности, принадлежавшие моей покойной супруге, Элис О’Дэй Хоторн, после моей

смерти перейдут во владение ее матери, как и право распоряжаться ими по ее собственному почину».

Прабабушка звучно хмыкнула.

– Только не вздумайте слюнки на них пускать, – грозно осадил ее всех присутствующих. – Я вас всех еще переживу.

Мистер Ортега улыбнулся, но улыбка вскоре поблекла.

– «Моим... – он взял паузу и продолжил: – Моим дочерям, Заре Хоторн-Каллигарис и Скай Хоторн, я завещаю сумму, достаточную для покрытия всех долгов, накопившихся ко дню и часу моей смерти». – Мистер Ортега снова ненадолго затих и поджал губы. Два других адвоката смотрели прямо перед собой, стараясь не встречаться взглядами ни с кем из семейства Хоторн. – «В дополнение ко всему, я оставляю Скай мой компас, чтобы она всегда знала, где север, а Заре – свое обручальное кольцо, чтобы ее любовь была столь же безраздельной и искренней, как мои чувства к ее матери».

Повисла новая пауза – куда болезненнее предыдущей.

– Читайте дальше, – потребовал муж Зары.

– «Каждая из дочерей, – медленно прочел мистер Ортега, – получит, помимо вышеупомянутого наследства, единовременную выплату в размере пятидесяти тысяч долларов».

Пятидесяти тысяч? Я не успела еще это осознать, а супруг Зары гневно выпалил: «Тобиас Хоторн оставил родным дочерям меньше, чем охраннику!»

Слова Скай о том, что Грейсона тут все называют «престо-

лонаследником», неожиданно обрели совсем новый смысл для меня.

– Это все ты виновата, – заявила Зара, повернувшись к Скай. Голоса она не повысила, но в ее тоне сквозила угроза.

– Я?! – возмущенно переспросила Скай.

– После смерти Тоби папа навсегда переменился, – продолжала Зара.

– Исчезновения, – поправила ее Скай.

– Нет, вы ее только послушайте! – вспылила Зара, утратив бывшее самообладание. – Скажи, это ведь ты его надоумила, а? Построила ему глазки, убедила оставить нас ни с чем, а завещать все твоим...

– *Сыновьям*, – сухим тоном закончила за нее Скай. – Именно это ты и собиралась сказать.

– Сдается мне, она подыскивала другое слово и хотела сказать *«ублюдкам»*, – вклинился в разговор Нэш Хоторн. У него был самый заметный техасский акцент из всех присутствующих. – Но не то чтобы нам впервой это слышать.

– Если бы у меня был сын... – произнесла Зара, и тут ее голос дрогнул.

– Но у тебя же его нет, – парировала Скай и сделала паузу, давая собеседнице время обдумать ее слова. – Правда же, Зара?

– *Довольно*, – перебил ее муж Зары. – Мы во всем разберемся.

– Боюсь, тут не с чем разбираться, – вставил мистер Ор-

тега, включившись в перебранку. — Завещание редакции не подлежит, и если вы попытаетесь его изменить, то столкнетесь с непреодолимыми препятствиями.

Для себя я грубо перевела это как «а ну заткнитесь и сидьте».

— Я продолжу, если позволите. — Мистер Ортега опустил взгляд на завещание, которое держал в руках. — «Моим внукам, Нэшу Уэстбруку Хоторну, Грэйсону Давенпорту Хоторну, Джеймсону Винчестеру Хоторну и Александру Блэкуду Хоторну, я завещаю...»

— Все, — с горечью проговорила Зара.

Мистер Ортега продолжил, повысив голос, чтобы его было слышно:

— «Двести пятьдесят тысяч долларов каждому с выплатой положенной доли в двадцать пятый день рождения. До этого дня попечителем этой суммы назначается Алиса Ортега».

— Что? — изумленно переспросила Алиса. — Что за?..

— Бред? — услужливо подсказал ей Нэш. — Вероятно, моя милая, это слово тут будет уместнее всего.

Тобиас Хоторн оставил внукам вовсе не «все». Учитывая, сколь огромно его состояние, он завещал им жалкие гроши.

— Да что тут вообще творится? — спросил Грэйсон, мрачно чеканя каждое слово.

Тобиас Хоторн не оставил несметных богатств своим внукам. Не оставил он их и дочерям. На этой точке мысли мои подернулись туманом. В ушах зазвенело.

– Прошу тишины, – вскинув руку, сказал мистер Ортега. – С вашего позволения, я закончу.

Сорок шесть целых и два десятых миллиарда долларов, – подумала я. Сердце неистово билось о ребра, а язык вдруг стал сухим и шершавым, точно лист наждачной бумаги. Все-го у Тобиаса Хоторна было *сорок шесть целых и два десятых миллиарда долларов. В общей сложности он оставил внукам всего миллион. Дочерям – сто тысяч. Еще полмиллиона – слугам, пожизненное содержание прабабушке...*

Что-то в этих расчетах решительно не сходилось. Да и *не могло.*

Один за другим все присутствующие повернулись и уставились на меня.

– «Все остальное, – продолжил чтение мистер Ортега, – включая всю земельную собственность, денежные активы и материальное имущество, не упомянутое выше, я завещаю Эйвери Кайли Грэмбс».

Глава 10

Нет, это невозможно.

Этого никак не может быть.

Я, наверное, сплю.

Или брежу.

– Он оставил все *ей*? – переспросила Скай с таким возмущением, что мгновенно вывела меня из ступора. – С какой это стати? – От той обходительной дамы, которая расспрашивала меня о знаке зодиака и потчевала историями о сыновьях и возлюбленных, не осталось и следа. Теперь Скай больше походила на женщину, готовую убить человека. Без преувеличения.

– Да кто она, черт побери, такая? – спросила Зара. Ее голос был острым, точно заточенное лезвие, и звонким, как колокольчик.

– Это, должно быть, какая-то ошибка, – сказал Грэйсон тоном человека, привыкшего разбираться с ошибками. *Взятки. Угрозы. Откупы*, – вспомнилось мне. А что со мной сделает этот самый «престолонаследник»? *Нет, всего этого просто не может быть.* С каждым новым ударом сердца, с каждым вдохом и выдохом я уверялась в этом все больше. *Это невозможно.*

– Он прав, – прошептала я, но мой голос потонул в шуме возмущенных возгласов, звучащих вокруг. Я попытала сча-

стыя еще раз, уже громче. – Грэйсон прав. – На меня начали поглядывать. – Наверное, произошла какая-то ошибка. – Голос у меня охрип. Казалось, я только что спрыгнула с самолета. Казалось, я камнем лечу вниз и все жду, когда же раскроется парашют.

Это все не вправду. Иначе и быть не может.

– Эйвери, – Либби ткнула меня локтем под ребра, ясно давая понять, что пора бы прикусить язык и прекратить все эти рассуждения об *ошибках*.

Но как иначе? Наверняка произошло какое-то недоразумение. Не может же быть, что человек, которого я в жизни не встречала, оставил мне многомиллиардное состояние. Так просто не бывает, и точка.

– Слышали? – Скай ухватилась за мои слова. – Даже Эйва согласна с тем, что это просто смешно.

На этот раз я все не могла отделаться от ощущения, что она исковеркала мое имя намеренно. *«Все остальное, включая всю земельную собственность, денежные активы и материальное имущество, не упомянутое выше, я завещаю Эйвери Кайли Грэмбс»*. Скай Хоторн прекрасно знала, как меня зовут.

Да и все присутствующие в зале.

– Уверяю вас, ошибки быть не может. – Мистер Ортега заглянул мне в глаза, а потом обвел взглядом присутствующих. – А также хочу подчеркнуть, что последняя воля и завещание Тобиаса Хоторна неизменны. Поскольку бóльшая

часть нюансов, которые я пока не огласил, касается только Эйвери, предлагаю завершить этот балаган. Но позвольте еще раз донести до вас следующее: в соответствии с последней волей мистера Хоторна любой наследник, который попытается оспорить наследство Эйвери, мгновенно лишится своей доли.

Наследство Эйвери. Голова закружилась, а к горлу подкатила тошнота. Казалось, кто-то по щелчку пальцев переписал законы физики, изменил гравитационную постоянную, и мое тело оказалось к этому не готово. Планета точно слетела со своей оси.

– Не бывает «неизменных» завещаний, – ядовитым тоном подметил супруг Зары. – Особенно когда речь идет о таких суммах.

– Кажется, кто-то тут плохо знал старика, – вставил Нэш Хоторн.

– Ловушка за ловушкой, – пробормотал Джеймсон. – Загадка за загадкой. – Я поймала на себе пристальный взгляд его темно-зеленых глаз.

– Думаю, вам пора, – сухо сказал мне Грэйсон. И это была вовсе не просьба. А приказ.

– Чисто технически... – начала Алиса Ортега таким голосом, точно только что проглотила мышьяк. – Это ее дом.

Было очевидно, что до этой минуты она и впрямь не знала о содержании завещания. Ее держали в неведении, как и остальных родственников. *Но как Тобиас Хоторн мог так*

жестокко обмануть их ожидания? Разве с собственной плотью и кровью так обходятся?

– Не понимаю, – призналась я вслух. Голова кружилась, все тело словно онемело, а происходящее окончательно утратило логику.

– Моя дочь права, – невозмутимо подтвердил мистер Ортега. – Все ваше, мисс Грэмбс. И речь идет не только о капиталах мистера Хоторна, но обо всем его имуществе, включая Дом Хоторнов. По условиям настоящего завещания, которые я с удовольствием вам разъясню, нынешним обитателям дома предоставлено право аренды, но ровно до тех пор, пока они не дадут вам повод к их выдворению, – пояснил он и выждал немного, чтобы смысл сказанных слов дошел до всех присутствующих. – Однако арендаторы ни при каких условиях не смогут выселить вас, – серьезно продолжил он, и в его голосе слышалось явное предостережение.

В комнате неожиданно повисла тишина. *Меня точно убьют. Кто-нибудь в этой комнате наверняка со мной покинута.* Мужчина, в котором чувствовалась выправка бывшего военного, встал между мной и семейством Хоторнов. Все собравшиеся оставались в поле его зрения, и он загородил меня собой, молча скрестив руки на груди.

– Орен! – возмущенно вскричала Зара. – Вы же работаете на нашу семью!

– Я работал на мистера Хоторна, – поправил ее Джон Орен и показал лист бумаги. Спустя мгновение я поняла, что это,

должно быть, письмо, которое ему недавно вручили. – В соответствии с последней волей мистера Хоторна я продолжу свою работу, но теперь уже под началом мисс Эйвери Кайли Грэмбс. – Он обернулся ко мне. – Безопасность вам не мешает.

– И ладно бы угроза исходила только от нас, – заметил Ксандр, стоявший слева.

– Шаг назад, пожалуйста, – приказал ему Орен.

Ксандр вскинул руки.

– Я пришел с миром! – объявил он. – Хотя и позволяю себе мрачные предсказания.

– Ксан прав. – Джеймсон улыбнулся, точно происходящее было игрой, не больше. – Весь мир возжаждет урвать от вас кусочек, Таинственная Незнакомка. *Все-таки это событие века*, не меньше.

Событие века. Туман в голове мгновенно рассеялся, и я отчетливо осознала, что по всем приметам никакие это не шутки. Я не брежу. И не сплю.

Я и впрямь наследница.

Глава 11

Я пулей метнулась из зала и в следующий миг уже стояла на улице. Парадная дверь Дома Хоторнов громко хлопнула за моей спиной. В лицо ударила волна прохладного воздуха. Я дышала – в этом почти не оставалось сомнений, – но тело вдруг онемело и стало будто чужим. Наверное, это реакция на шок?

– Эйвери! – Либби выскочила из дома следом за мной. – Ты в порядке? – Она окинула меня встревоженным взглядом. – И еще: ты точно в своем уме? Когда тебе дают деньги, не надо от них отказываться!

– То-то всякий раз, когда я приношу тебе чаевые и хочу их отдать, *ты* ни в какую не соглашаешься их взять, – парировала я. В голове стоял нестерпимый гул – из-за него я и собственных мыслей толком не слышала.

– Сейчас речь не о каких-то там чаевых! – возразила Либби. Несколько синих прядей выбились из ее хвоста. – А о *миллионах*!

Миллиардах, – мысленно поправила я ее. Произнести это слово вслух просто язык не поворачивался.

– Эйв, – Либби положила руку мне на плечо, – ты только подумай, что это значит! Тебе уже никогда не придется переживать о деньгах! Ты сможешь покупать все что угодно и делать что только душе вздумается! Помнишь открытки,

оставшиеся у тебя от мамы? – Она наклонилась ко мне, и наши лбы соприкоснулись. – Ты сможешь отправиться, куда только захочешь! Представь, какие перед тобой открываются возможности!

И я представила, хотя происходящее по-прежнему казалось мне злой шуткой, точно сама Вселенная решила надо мной посмеяться и внушить мне мечты, которые просто не могут сбываться у таких как я...

Массивная дверь распахнулась. Я отскочила от сестры, а на пороге появился Нэш Хоторн. Даже в строгом костюме он выглядел точь-в-точь как ковбой, готовый сойтись с соперником под полуденным солнцем, чтобы выяснить, кто же сильнее и ловчее.

Внутри у меня все напряглось. *Миллиарды*. История знает случаи, когда войны разгорались и из-за меньшего.

– Детка, расслабься, – проговорил Нэш своим тягучим, бархатистым, точно хороший виски, голосом с сильным те-хасским акцентом. – Деньги мне не нужны и никогда особо не были. Судя по всему, Вселенная наконец решила порадовать ребятишек, которые и впрямь этого заслуживают.

Старший из братьев Хоторн перевел взгляд с меня на Либби. Он был высоким, мускулистым, загорелым. А она – маленькой и хрупкой, и темный цвет ее помады вкупе с синим оттенком волос ярко контрастировал с бледностью лица. Казалось бы, таким разным людям вообще не суждено встретиться, и все же он стоял перед ней, а с его губ не сходила

улыбка.

– И ты будь умницей, солнышко, – сказал Нэш, обращаясь к моей сестре. А потом стремительно подошел к мотоциклу, надел шлем и спустя мгновение уже исчез вдали.

Либби проводила его взглядом.

– Забираю обратно свои слова о Грэйсоне, – объявила она. – Вот *кто на самом деле* Бог.

Впрочем, сейчас нам было явно не до того, чтобы выяснять, кто же из братьев Хоторн может похвастаться божественным происхождением. У нас были проблемы посерьезнее.

– Либби, нам нельзя тут оставаться, – сказала я. – Сомневаюсь, что остальные Хоторны так же легко смирятся с завещанием, как Нэш. Надо спешить.

– Я с вами, – заявил низкий голос. Я обернулась. У парадной двери стоял Джон Орен. Я и не слышала, как он ее открывал.

– Охрана мне не нужна, – заверила его я. – Мне надо поскорее уехать отсюда – только и всего.

– Отныне охрана будет нужна вам всю жизнь, – возразил он с такой уверенностью, что я даже не нашла, что возразить. – Но тут есть и свои плюсы... – Он кивнул на автомобиль, на котором мы приехали из аэропорта. – Я умею водить.

Я попросила Орена отвезти нас в мотель. А он вместо этого доставил нас в отель, роскошнее которого я ничего еще в жизни не видела, и, судя по всему, нарочно повез нас долгой дорогой, чтобы мы полюбовались видами, потому что когда мы прибыли, Алиса Ортега уже поджидала нас в фойе.

— Мне тут выпала возможность прочесть завещание полностью, — сообщила она вместо приветствия. — Я захватила вам его копию. Предлагаю обсудить все детали в вашем номере.

— В нашем номере? — повторила я. Швейцары были разодеты в смокинги. В фойе стояло целых шесть канделябров. Чуть в стороне какая-то женщина играла на огромной арфе высотой футов пять. — Здешние номера нам точно не по карману.

Алиса посмотрела на меня чуть ли не с жалостью.

— Милая моя... — начала было она, но профессионализм мгновенно заставил взять себя в руки и сменить тон. — Весь этот отель — ваш.

М... мой? Нарядно одетые постояльцы, тоже сидевшие в фойе, уже начали с подозрением поглядывать на нас, точно спрашивая: «Ну кто пустил сюда этих нищенок?» Не может такого быть, чтобы целый отель и впрямь принадлежал *мне*.

— Однако завещание еще не вступило в законную силу и

ожидает утверждения, а значит, вы получите все движимое и недвижимое имущество покойного несколько позже, а до той поры контора «Макнамара, Ортега и Джонс» будет удовлетворять все ваши нужды.

Либби нахмурилась, и между бровями залегла складка.

– Разве юридические фирмы для этого нужны?

– Вы, вероятно, уже поняли, что мистер Хоторн был одним из самых важных наших клиентов, – деликатно заметила Алиса. – Но точнее было бы сказать, что он был *единственным*. А теперь...

– А теперь... – проговорила я, осмысляя шокирующую правду, – этот самый клиент – я.

* * *

На то, чтобы прочесть, перечитать и переперечитать завещание, у меня ушел целый час. Тобиас Хоторн выставил мне как наследнице только одно условие.

«Вы обязаны прожить в Доме Хоторнов один год и засесть в него в течение срока, не превышающего трех дней с текущей даты». Алиса повторила этот пункт как минимум дважды, но я все никак не могла его осмыслить.

– Единственное условие, которое мне надо выполнить, чтобы стать наследницей миллиардов долларов, – это переезд в поместье?

– Все так.

– В поместье, где по-прежнему проживает толпа народу, претендовавшая на эти деньги. И выгнать ее я не могу.

– Да, верно, если допустить, что не последует никаких экстраординарных обстоятельств. Но должна заметить, что дом *очень* большой – быть может, вас это утешит.

– А если я откажусь? – спросила я. – Или если Хоторны меня прикончат?

– Никто вас не прикончит, – спокойно возразила Алиса.

– Понимаю – вы выросли в окружении этих людей и все такое, – сказала Либби Алисе, стараясь сохранять дипломатичность, – но с моей сестрой они наверняка поступят как Лиззи Борден с отцом и мачехой³!

– Честно говоря, не слишком-то хочется, чтобы меня зарубили топором, – заметила я.

– Маловероятный исход, – проворчал Орен. – Во всяком случае, если речь именно о топорах.

Я не сразу поняла, что это он так шутит.

– Дело серьезное, между прочим!

– Уж я-то знаю, поверьте, – парировал он. – Но я знаю и Хоторнов. Мальчишки никогда на даму руки не поднимут, а женская часть семьи в худшем случае подаст на вас в суд –

³ Лиззи Борден (1860–1927) – американка, скандально прославившаяся после двойного убийства, случившегося в ее доме в 1892 году. Предположительно зарубила собственного отца и мачеху топором ради получения наследства, однако была оправдана, несмотря на веские доказательства. Имя Лиззи Борден стало нарицательным, а дискуссии о загадочном убийстве продолжаются и по сей день. – *Прим. перев.*

безо всяких топоров.

– Да и потом, – добавила Алиса, – по тexasским законам в случае, если наследник умирает до вступления завещания в законную силу, это самое наследство не возвращается предыдущему хозяину, а все равно становится частью его имущества.

У меня есть имущество? – пронеслось в голове, хотя в происходящее по-прежнему верилось с трудом.

– А если я откажусь переезжать в поместье? – спросила я. К горлу подкатил огромный ком.

– Не откажется она! – поспешно возразила Либби, метнув в меня гневный взгляд.

– Если вы не переедете в Дом Хоторнов в течение трех дней, то ваша часть наследства будет передана на благотворительные нужды, – пояснила Алиса.

– То есть родне Тобиаса Хоторна ничего не достанется? – уточнила я.

– Нет. – Невозмутимость Алисы на миг пошатнулась. Еще бы: она знает Хоторнов с детства. И пускай сейчас она работает на меня, вряд ли ее это радует.

Ведь так?

– Скажите, завещание ведь записывал ваш отец, верно? – спросила я, все еще силясь свыкнуться с непостижимой ситуацией, в которой оказалась.

– Совместно с другими основателями фирмы, – подтвердила Алиса.

– А он вам не рассказывал... – я взяла паузу, пытаюсь подобрать слова поточнее, но быстро сдалась. – Он вам не рассказывал *почему*?

Почему Тобиас Хоторн лишил наследства кровную родню? Почему завещал все *мне*?

– Вряд ли мой отец знает ответ на этот вопрос, – сказала Алиса и посмотрела на меня. Маска невозмутимости на ее лице вновь дала трещину. – А вы?

Глава 12

– Кованый жмот! – воскликнула Макс, ахнув. – Твою ж кровать, это же охурменно! – Она понизила голос до шепота и позволила себе самое настоящее ругательство. У меня было уже за полночь, а у нее – на два часа раньше. Я боялась, что миссис Лью ворвется в комнату посреди нашего разговора и отберет у дочери телефон, но обошлось.

– Но как? И почему? – спросила Макс.

Я опустила взгляд на письмо, лежавшее у меня на коленях. Тобиас Хоторн оставил мне объяснение, но за те несколько часов, которые прошли после оглашения завещания, я так и не смогла себя заставить вскрыть конверт. Я сидела совсем одна в темноте на балконе пентхауса, принадлежавшего отелю, который теперь перешел *мне во владение*, на мне был плюшевый халат в пол, стоивший, наверное, больше моего автомобиля, – а я все никак не могла выйти из оцепенения.

– Может быть, тебя подменили в роддоме, – задумчиво предположила Макс. Она обожала смотреть телевизор и, пожалуй, могла по праву отнести себя к «книгоголикам». – А может, много лет назад твоя мама спасла ему жизнь! Может, всем своим состоянием он был обязан твоему прапрадедушке. А может, тебя выбрал навороченный компьютерный алгоритм, у которого со дня на день должны проклюнуться за-

чатки интеллекта!

– Максин! – Я от души рассмеялась. Удивительно, но благодаря этому я наконец сумела произнести то, о чем старалась вовсе не думать.

– Может, мой отец мне вовсе не родной.

Это самое разумное объяснение происходящему, разве не так? Что, если Тобиас Хоторн вовсе не обобрал собственную семью в пользу какой-то незнакомки? Может, я тоже его плоть и кровь!

Есть у меня одна тайна... В памяти живо всплыл образ матери. Сколько раз она при мне произносила эту самую фразу?

– Все в порядке? – спросила Макс на том конце провода.

Я опустила взгляд на конверт и на мое имя, выведенное на нем безупречным почерком. Сглотнула.

– Тобиас Хоторн оставил мне письмо.

– И ты его еще не вскрыла? – поинтересовалась Макс. – Эйвери, это просто писец какой-то!

– Максин! – на заднем фоне послышался голос миссис Лью.

– Песец, мама. Я сказала, *песец*. Зверь такой пушистый, на севере живет... – повисла короткая пауза, а потом Макс проговорила: – Эйвери, мне надо бежать.

Внутри у меня все сжалось.

– Но мы ведь скоро еще поговорим?

– Очень скоро, – пообещала Макс. – А пока что открой.

Это самое. Письмо.

Она повесила трубку. Я тоже положила телефон. Палец скользнул было под верхний краешек конверта, но стук в дверь прервал мои намерения.

Я вернулась в комнату. Орен стоял у двери.

– Кто там пришел? – спросила я.

– Грэйсон Хоторн, – ответил Орен. Я уставилась на дверь. – Если бы мои подчиненные сочли его за угрозу, он не добрался бы до нашего этажа. Я Грэйсону доверяю. Но если вы не хотите его видеть...

– Нет, – возразила я. *И о чем я только думаю?* Время уже позднее, к тому же вряд ли американские престолонаследники милосердны к тем, кто их свергает. Но ведь с первой нашей встречи Грэйсон смотрел на меня по-особому, совсем не так, как на других...

– Откройте дверь, – велела я Орену. Он повиновался и отступил в сторону.

– Вы бы хоть меня внутрь пригласили, – сказал Грэйсон. *Наследником* он больше не был, но по его тону складывалось противоположное впечатление.

– Зря вы сюда пришли, – сказала я ему, закутываясь в халат.

– Последний час я твержу себе то же самое, однако же вот он я. – Глаза у него были как серые колодцы, волосы растрепались – казалось, не одна я не могу уснуть этой ночью. Сегодня он потерял все.

– Грэйсон...

– Не знаю, как вы это провернули, – перебил он тихим, но угрожающим тоном. – Не знаю, какой властью над моим дедушкой вы обладали и что за аферу затеяли...

– Ничего я не...

– Сейчас я говорю, мисс Грэмбс. – Он опустил ладонь на дверь. Пожалуй, насчет его глаз я ошиблась. Это были никакие не колодцы. А льдины. – Так вот, я понятия не имею, как вам это удалось, но я все узнаю. Теперь-то я вас насквозь вижу. Знаю, что вы из себя представляете, на что способны, и, поверьте, я пойду на *все*, чтобы только защитить свою семью. Каких бы фокусов вы тут ни разыгрывали, сколько бы ни дили свою аферу – я узнаю правду, и тогда уж только Бог вам в помощь.

Краем глаза я заметила Орена, шагнувшего в мою сторону, но не стала ждать, пока он предпримет меры, а сама толкнула дверь с такой силой, что Грэйсона отбросило в коридор, и захлопнула ее. С тяжело колотящимся сердцем я ждала, что он ко мне заколотит, закричит мое имя. *Ничего подобного*. Моя голова медленно поникла, а взгляд, точно магнит к металлу, прильнул к конверту, который я держала в руках.

Покосившись на Орена, я ушла в спальню. *Открой. Это самое. Письмо*. На этот раз я довела дело до конца и достала из конверта открытку. Текст состоял всего из четырех слов. Я уставилась на послание, перечитывая снова и снова приветствие, само содержание и подпись.

*Дорогая Эйвери,
прости меня.
– Т.С.Х.*

Глава 13

Простить? Но за что? Даже наутро эти вопросы не шли у меня из головы. Впервые в жизни я проснулась поздно. Орен и Алиса уже сидели на кухне и тихо переговаривались.

Настолько тихо, что расслышать, о чем идет речь, было невозможно.

– Эйвери! – Орен первым меня заметил. Я невольно задумалась, рассказал ли он Алисе о Грэйсоне. – Я хотел бы обсудить с вами кое-какие требования по безопасности.

К примеру, не впускать Грэйсона Хоторна?

– Вы теперь мишень, – сухо сообщила Алиса.

– Для кого это? – спросила я, вспомнив, с каким жаром она убеждала меня, что бояться Хоторнов не стоит.

– Для папарацци, разумеется. Наша фирма делает все возможное, чтобы до поры до времени случившееся оставалось в тайне, но вечно так продолжаться не будет, так что стоит подумать о рисках.

– Похищение, – невозмутимым тоном начал Орен. – Преследование. Множественные угрозы, которые вам будут поступать – без них не обойдется. К тому же вы – юная девушка, это усугубляет дело. С разрешения вашей сестры, я и к ней приставлю своих сотрудников, когда она вернется.

Похищение. Преследование. Угрозы. У меня даже осмыслить эти слова толком не получалось.

– А где Либби? – спросила я, услышав упоминание Орена о ее «возвращении».

– На борту самолета, – ответила Алиса, – причем вашего.

– У меня есть самолет? – Нет, я *никогда* к этому не при-
выкну.

– Несколько, – уточнила Алиса. – И, кажется, вертолет тоже, но сейчас это к делу не относится. Ваша сестра полетела за вещами – своими и вашими. Учитывая сроки, в которые вам велено переселиться в Дом Хоторнов – и то, сколь высоки ставки, – мы сочли за лучшее оставить вас здесь. В идеале надо бы перебраться в поместье уже сегодня, не позже.

– Как только репортеры обо всем прознают, – серьезно проговорил Орен, – ваши фото появятся на первых полосах всех газет. Про вас будут подробно рассказывать во всех новостях, вы станете самой обсуждаемой темой в соцсетях. Кто-то будет считать вас Золушкой. Кто-то – Марией-Антуанеттой.

Кто-то захочет поменяться со мной местами. Кто-то возненавидит меня до глубины души. Тут я впервые заметила пистолет, висевший у Орена на бедре.

– Советую набраться терпения и переждать здесь, – спокойно сказал Орен. – Ваша сестра должна вернуться сегодня же.

До самого полудня мы с Алисой играли в игру «Кто быстрее растопчет прошлую жизнь Эйвери», как я ее мысленно назвала. Я уволилась с работы. Алиса тем временем организовала мой уход из школы.

– А с машиной что? – спросила я.

– В ближайшем будущем возить вас будет Орен, но мы можем привезти сюда ваш автомобиль, если захотите, – предложила Алиса. – Либо выберете себе новую машину в личное пользование.

Она говорила об этом до того обыденным тоном, точно речь шла о покупке жвачки в супермаркете.

– Вы что предпочитаете, седаны или джипы? – спросила она, достав телефон с такой решимостью, что сразу стало понятно: для того, чтобы заказать мне машину, достаточно будет одного нажатия кнопки. – Есть ли пожелания по цвету?

– Прошу прощения, я отойду на секундочку, – сказала я ей и поспешила обратно в спальню. На кровати громоздились до смешного высокие груды подушек. Я рухнула на них и достала телефон.

Я написала Макс эсэмэску, позвонила, постучала в личку в соцсети – но все безрезультатно. Видимо, у нее *конфисковали* телефон – возможно, и ноутбук, а значит, она не сможет мне посоветовать, что отвечать, когда юрист начинает

обсуждать заказ машины в таком тоне, будто речь идет о *греческой-брать-ее* пицце.

В голове не укладывается. Всего каких-то двадцать четыре часа назад я ночевала на парковке. И могла себе позволить разве что сэндвич к завтраку, и то не каждый день.

Сэндвич к завтраку, пронеслось в голове. *Гарри*. Я села в кровати.

– Алиса! – крикнула я. – А если я не хочу новую машину, можно мне потратить эти деньги на кое-что другое?

* * *

Оплатить для Гарри жилье и убедить его принять мой подарок – задачка не из легких, но Алиса велела мне считать, что этот вопрос уже улажен. В таком-то мире я теперь живу. Достаточно только слово произнести – и все уже *улажено*.

Но долго это не продлится. Так не бывает. Рано или поздно кто-нибудь поймет, что это просто какое-то недоразумение. Так что надо наслаждаться моментом, пока есть такая возможность.

Такой была первая моя мысль, когда мы отправились встречать Либби. Пока моя сестра сходила с трапа *моего* личного самолета, я думала, а можно ли попросить Алису отправить ее учиться в Сорбонну. Или купить ей маленькую кондитерскую. Или...

– *Либби*... – Все до единой мысли в голове тут же оборва-

лись, стоило мне только увидеть ее лицо. На правом глазу, до того распухшем, что он попросту не открывался, темнел огромный синяк.

Либби нервно сглотнула, но взгляда не опустила.

– Если скажешь, что ты «так и знала», я приготовлю капкейки с патокой и заставлю тебя есть их каждый день.

– У нас появилась проблема, о которой я не знаю? – обманчиво спокойным тоном спросила Алиса у Либби, остановив взгляд на оплывшем глазе.

– Эйвери терпеть не может патоку, – пояснила Либби, точно проблема крылась именно в этом.

– Алиса, а у вашей фирмы в штате, случайно, нет наемных убийц? – сквозь зубы спросила я.

– Нет. Но у меня есть связи. Могу подыскать, если надо, – ответила та, не теряя профессионализма.

– Поди пойми, шутите вы или нет, – заметила Либби и повернулась ко мне. – Давай не будем это все обсуждать. Я в порядке.

– Но...

– *Я в порядке.*

У меня таки получилось прикусить язык, и мы вернулись в отель. В соответствии с планом мы должны были быстро доделать оставшиеся дела и немедленно уехать в Дом Хоторнов.

Но тут возникло неожиданное затруднение.

– У нас проблемы, – сообщил Орен. Особого волнения в

его тоне не чувствовалось, но Алиса немедленно опустила телефон. Орен кивнул на балкончик. Алиса вышла на него, опустила взгляд и ругнулась.

Я скользнула мимо Орена на балкон, чтобы выяснить, что же там такое стряслось. Внизу, у входа охрана отеля теснила огромную толпу. Только когда в ней заблестели вспышки, я поняла, из кого она состоит.

Из paparazzi.

В мгновение ока объективы всех камер устремились вверх, на балкончик. И на меня.

Глава 14

– Кажется, вы говорили, что ваша фирма позаботилась о секретности, – заметил Орен, многозначительно посмотрев на Алису. Она ответила ему хмурым взглядом, быстро сделала три телефонных звонка – два из них были на испанском, – и снова повернулась к главе службы безопасности.

– Утечка произошла не по нашей вине, – сообщила она и перевела взгляд на Либби. – А по вине вашего парня.

– Бывшего, – уточнила Либби едва слышным шепотом.

* * *

– Простите, – вот уже в десятый, наверное, раз повторила Либби. Она рассказала Дрейку все – и про завещание, и про условия, выдвинутые в нем, и о том, где мы теперь будем жить. Обо *всем*. Причина была мне ясна – как-никак, я прекрасно знала свою сестру. Дрейк не на шутку разозлился бы, уедь она просто так. Надо было как-то его успокоить. А стоило ему услышать про деньги, он сразу потребовал свою долю. Начал строить планы, как потратит капитал Хоторна. Но тут Либби, храни ее Господь, сообщила ему, что тратить эти деньги они не будут, что *к нему*, к Дрейку, эти богатства никакого отношения не имеют.

Он избил ее. Она его бросила. Он побежал к журналистам. И вот они здесь. Когда Орен вывел меня на улицу через боковую дверь, к нам бросилась целая ватага репортеров.

– Вот она! – крикнул кто-то.

– Эйвери!

– Эйвери, можно вас на пару слов!

– Эйвери, каково это – стать самым богатым подростком в Америке?

– Вы стали самым юным миллиардером в мире! Как ощущения?

– Как вы познакомились с Тобиасом Хоторном?

– Правда ли, что вы – незаконнорожденная дочь Тобиаса Хоторна?

Меня усадили в джип. Дверь захлопнулась, приглушив шквал журналистских расспросов. На полпути к поместью мне пришло сообщение – но не от Макс. А с какого-то незнакомого номера.

Я открыла его. На экране высветился скриншот новостного заголовка. *Эйвери Грэмбс: кто же она – наследница Хоторна?*

Скриншот был снабжен короткой подписью:

Поздравляю, Таинственная Незнакомка. Теперь о вас официально прознал весь мир!

У ворот Дома Хоторнов тоже толпились папарацци, но стоило нам въехать на территорию – и они были уже не страшны. На этот раз нас никто не встречал. Ни Джеймсон. Ни Грэйсон. Ни кто-либо другой из семейства Хоторнов. Я подергала за ручку массивной парадной двери. Заперто. Алиса исчезла за углом дома. А когда снова появилась, на лице ее читалась тревога. Она протянула мне огромный конверт.

– С юридической точки зрения члены семьи Хоторн должны были передать вам ключи. Но на практике... – Она сощурилась. – Они порой поступают по-свински.

– Это юридический термин? – сухо переспросил Орен.

Я разорвала конверт и обнаружила, что ключи мне Хоторны и впрямь передали, да еще с избытком – внутри их было около сотни, не меньше.

– А какой из них от входной двери? – спросила я. – Есть идеи?

Ключи были необычные: крупные, тяжелые, изысканно украшенные. С виду они были антикварные и отличались друг от друга узорами, металлом, размером, длиной.

– Это вы сами должны разобраться, – услышала голос.

Я вскинула взгляд и увидела перед собой интерком.

– Хватит с нас этих фокусов, Джеймсон, – заявила Али-

са. – Дело, как ни крути, серьезное.

Он промолчал.

– Джеймсон! – снова позвала Алиса.

И снова пауза, а потом лишь короткое:

– Я в вас верю, Т. Н.

Он отключился, а Алиса выдохнула – протяжно и разочарованно.

– Боже, храни меня от Хоторнов.

– Т. Н.? – удивленно переспросила Либби.

– Таинственная Незнакомка, – расшифровала я. – Видимо, Джеймсону кажется, что это прозвище мне подходит. – Я опустила взгляд на тяжелую связку ключей, которая лежала у меня на ладони. Пожалуй, разумнее всего было бы опробовать их все по очереди. Если предположить, что один из них действительно от парадной двери, то рано или поздно мне улыбнется удача. Впрочем, одной удачи тут явно недостаточно. Я и так уже сполна могу себя считать самой удачливой девчонкой на свете.

В глубине души мне хотелось заслужить успешный исход.

Я внимательно рассмотрела ключи, сравнивая узоры на ручках. *Яблоко. Змея. Витые спирали, похожие на струи воды.* Был тут и набор ключей, украшенных разными буквами алфавита, выведенными изящным старомодным почерком. Были ключи с цифрами и с фигурками, а один даже украшала маленькая русалочка, а вот ключей с узорами в виде глаз насчиталось целых четыре.

– Ну что? – нетерпеливо спросила Алиса. – Могу сделать звонок – и нам помогут.

– Не надо, – ответила я и переключила внимание на саму дверь. На ней был выбит простой геометричный узор, которого, впрочем, ни на одном из ключей не было. *Нет, это было бы чересчур просто*, подумала я. *Слишком просто*. А спустя мгновение в голову пришла еще одна мысль. *Просто, но недостаточно*.

Этому меня научили шахматы. Чем сложнее выглядит стратегия игрока, тем ниже вероятность, что его соперник будет искать простое решение. Если сосредоточить чужое внимание на коне, можно выиграть всю игру одной пешкой. *Не циклиться на деталях. Не останавливаться на сложностях*. Я стала сравнивать не ручки, а нижнюю часть, которая и открывает замок. Хотя длиной ключи различались, кончики у них были одинакового размера.

И не только *размера*, как я вдруг поняла, разглядывая два соседних ключа. Очертания зазубрин, благодаря которым, собственно, и должен был открыться замок, были одинаковыми. Я взяла третий ключ. *Такой же!* Я снова перебрала связку, по очереди сравнивая ключи друг с другом. *Одно и то же. Одно и то же*.

В связке было вовсе не сто ключей. Чем быстрее я их перебирала, тем крепче становилась моя уверенность. Тут был неподходящий ключ – и десятки его копий, выполненных так, что казалось, будто они все разные, и...

– Нашла, – сказала я, остановив поиски на ключе, резьба которого отличалась от прочих. Интерком защелкал, но если Джеймсон по-прежнему за мной наблюдал, он все равно не проронил ни слова. Я сунула ключ в замочную скважину и повернула. По жилам разлился адреналин.

Эврика.

– Как ты догадалась? – спросила Либби.

Ответ зазвучал из динамика интеркома.

– Порой, – проговорил Джеймсон Хоторн с поразительной задумчивостью, – казалось бы, совсем разные с виду вещи по сути оказываются одинаковыми.

Глава 15

– Добро пожаловать домой, Эйвери! – Алиса зашла в холл и обернулась ко мне. Стоило мне переступить порог, и у меня на миг перехватило дыхание. Чувство было такое, будто я вошла в Букингемский дворец – или в Хогвартс! – и мне вдруг сообщили, что он *мой*.

– Вон тот коридор ведет в театр, музыкальную залу, оранжерею, солярий... – перечислила Алиса, кивком указав в сторону. Назначение половины комнат осталось для меня загадкой – их названия я слышала впервые. – Большую залу вы уже, само собой, видели, – продолжала Алиса. – Обеденный зал для официальных приемов чуть дальше, а за ним – кухня, кухня повара...

– Тут есть свой повар? – выпалила я.

– В штате состоят повара, специализирующиеся на суши, итальянской, тайваньской и вегетарианской кухне, а также кондитер, – это уточнение внес мужской голос. Я обернулась и увидела пожилую пару, с которой уже встречалась на оглашении завещания в Большой зале. *Лафлины*, вспомнила я. – Но с повседневной готовкой справляется моя супруга, – ворчливо продолжал он.

– Мистер Хоторн был человеком закрытым, – проговорила миссис Лафлин, остановив на мне пристальный взгляд. – Чаще всего он довольствовался моей стряпней, потому что

был вовсе не в восторге от чужаков, топчущихся по Дому, и старался по возможности их сюда лишний раз не пускать.

Слово «Дом» она произнесла многозначительно, точно подчеркивая большую букву, которую положено писать в его начале, а под «чужаками» явно имела в виду и меня.

– Штат состоит из нескольких десятков человек, – пояснила Алиса. – Все получают полноценное жалованье, но работают только по требованию.

– То есть, если возникает какое-то дело, человек его выполняет, – пояснил мистер Лафлин. – А я слежу за тем, чтобы оно было выполнено как можно незаметнее. В большинстве случаев вы и не заметите, что в доме вообще кто-то есть.

– Но я-то замечу, – возразил Орен. – Перемещение по территории поместья строго отслеживается, и без тщательно-го досмотра сюда никто не попадает. Строители, садовники, экономки, массажисты, повара, стилисты или сомелье – мои люди проверяют всех без исключения.

Сомелье. Стилист. Повар. Массажист. Я снова и снова мысленно пробежала по этому списку. От него просто голова шла кругом.

– Спортивное крыло вон в той стороне, – сказала Алиса, вернувшись к своей роли экскурсовода. – Там есть полноценные залы для баскетбола и ракетбола, скалодром, дорожки для боулинга...

– Дорожки для боулинга? – повторила я.

– Всего четыре, – уточнила Алиса, будто в этом не было

ровным счетом ничего необычного.

Я все еще пыталась подобрать подходящий ответ, когда позади вдруг распахнулась дверь. Накануне Нэш Хоторн произвел на меня впечатление человека, которому не терпится уехать от Дома Хоторнов как можно дальше, – но теперь он снова вернулся.

– *Ковбой-мотоциклист*, – шепнула мне на ухо Либби.

Алиса, стоявшая рядом, заметно напряглась.

– Что ж, если у вас никаких вопросов, поеду в контору, у меня там дела, – заявила она и, достав из кармана пиджака телефон, протянула мне. – Я вбила туда свой номер, а еще мистера Лафлина и Орена. Если что-то понадобится, звоните.

Она вышла, не сказав Нэшу ни слова, и он проводил ее взглядом.

– Вы поосторожнее с ней, – заметила миссис Лафлин, как только дверь за Алисой захлопнулась, и посмотрела на старшего из братьев Хоторн. – Нет ничего страшнее обиженной женщины!

И тут картинка начала складываться. *Алиса и Нэш!* А ведь еще совсем недавно она советовала мне «не верить свое сердце Хоторнам», а потом спросила, не разрушал ли кто из Хоторнов мою жизнь, и когда я ответила, что нет, она сказала, что мне «повезло».

– Вы, главное, не вбивайте себе в голову, будто Ли-Ли якшается с врагом, – сказал Нэш, остановив взгляд на миссис

Лафлин. – Эйвери никакой не враг. Врагов здесь вообще нет. Он всего этого хотел.

Он. Тобиас Хоторн. Даже после смерти он не потерял ни капли своего влияния.

– И Эйвери ни в чем не виновата, – заметила Либби, стоявшая рядом. – Она просто ребенок, что с нее взять?

Внимание Нэша тут же переключилось на нее, и я отчетливо почувствовала, что ей нестерпимо хочется провалиться сквозь землю. Нэш скользнул взглядом по ее цветным волосам и остановил его на синяке под глазом.

– Что с вами случилось? – тихо спросил он.

– Все в порядке, – заявила Либби и вскинула голову.

– Это я и сам вижу, – спокойно отозвался он. – Но, может, имя мне сообщите? Я быстренько все улажу.

Это предложение произвело на сестру сильное впечатление. Она не привыкла к тому, что в этой жизни можно опереться хоть на кого-то, кроме меня.

– Либби! – позвал Орен. – Минутку внимания, если возможно. Я бы хотел познакомить вас с Гектором – он возьмет на себя вашу охрану. Эйвери, могу лично вам гарантировать, что Нэш – да и никто другой – точно не зарубит вас топором, пока меня не будет рядом.

Услышав эти слова, Нэш хохотнул, а я гневно посмотрела на Орена. И приспичило ему рассуждать о моем недоверии Хоторнам в присутствии одного из них! Орен увел Либби в глубины поместья, а старший внук Тобиаса Хоторна прово-

дил ее внимательным взглядом, и от меня это не укрылось.

– И думать не смейте, – сказала я Нэшу.

– Какая вы заботливая, – заметил Нэш. – А еще вы похожи на человека, который ради победы не поступится ничем. Если я что и уважаю в людях, так это сочетание этих качеств.

Вдалеке послышался треск, а затем – глухой стук.

– А вот и причина, по которой мне пришлось вернуться, – задумчиво проговорил Нэш. – Честно говоря, жизнь кочевника мне не очень-то по нраву.

Новый стук.

Нэш закатил глаза.

– Ну что ж, намечается веселье. – Он зашагал в сторону ближайшего коридора, но на ходу обернулся ко мне. – Дочка, пойдете-ка со мной. От боевого крещения никуда не деться, сами понимаете.

Глава 16

Ноги у Нэша были длинные, и потому, хотя сам он шел по коридору неспешно, мне приходилось чуть ли не бежать, чтобы не сильно отставать. По пути я заглядывала в каждую встречную комнату, но успевала различить только вычурную архитектуру, картины на стенах, потоки дневного света, пробивавшиеся в окно. Мы дошли до самого конца длинного коридора, и Нэш распахнул дверь. Я уже приготовилась наблюдать шумную ссору. Но вместо этого увидела Грэйсона и Джеймсона. Они стояли на расстоянии друг от друга посреди библиотеки, которая до того меня поразила, что аж перехватило дыхание.

Это была просторная круглая комната. У стен громоздились прочные деревянные полки футов по пятнадцать, а то и по двадцать в высоту, до отказа забитые книгами в твердом переплете. Еще я насчитала четыре винтовые лестницы, ведущие к верхним стеллажам и расположенные на равном расстоянии друг от друга, точно буквы, обозначающие стороны света, на компасе. В самом центре комнаты виднелся мощный обрубок дерева – диаметром футов в десять, если не больше. Даже издалека я заметила на дереве кольца, говорившие о его почтенном возрасте.

Я не сразу поняла, что обрубок заменяет собой стол.

Вот бы запереться тут на целую вечность! – подумала

я. – *И никуда уже не выходить!*

– Ну так что, кому первому надрать задницу? – поинтересовался Нэш, обведя братьев невозмутимым взглядом.

Грэйсон оторвал взгляд от книги, которую держал в руках.

– А что, без рукоприкладства уже никак, да?

– Кажется, у нас доброволец! – заметил Нэш и перевел оценивающий взгляд на Джеймсона, прислонившегося к одной из винтовых кованых лестниц. – А второй что скажет?

Джеймсон фыркнул.

– Что, не смог остаться в стороне, а, старший братец?

– И бросить Эйвери наедине с вами, олухами? – съязвил Нэш. Пока в комнате не прозвучало мое имя, ни Джеймсон, ни Грэйсон, казалось, в упор не замечали моего присутствия, но теперь невидимость рассеялась, точно по щелчку пальцев.

– Не стал бы слишком уж сильно переживать за мисс Грэмбс, – сказал Грэйсон, пронзив меня взглядом своих серебристых глаз. – Она явно в состоянии сама о себе позаботиться.

Перевод: я – бездушная, ненасытная аферистка, и он видит меня насквозь.

– Не обращайтесь на Грэя внимания, – лениво сказал Джеймсон. – Мы все так и делаем.

– Джейми, – осадил его Нэш. – Прикуси язык.

Джеймсон пропустил его просьбу мимо ушей.

– Грэйсон у нас собрался участвовать в турнире за звание главного зануды планеты, и у него, по-моему, есть все шансы

на победу – еще бы, с такой-то кислой мордой, будто ему иголку вонзили в...

Кнопу, – подумала я, живо представив, как в этом случае выразилась бы Макс.

– Ну хватит, – сказал Нэш.

– Так, и что я пропустил? – поинтересовался Ксандр, просунувшись в дверь. На нем была форма наподобие тех, какие носят ученики частных школ, а плечи прикрывал пиджак, который он тут же сбросил быстрым движением.

– Ты вообще ничего не пропустил, – заверил его Грэйсон. – А мисс Грэмбс, по-моему, пора. – Он посмотрел на меня. – Как-никак, надо еще обустроиться на новом месте.

Несмотря на мой статус новоиспеченного миллиардера, приказы здесь по-прежнему отдавал он.

– Погодите-ка, – сказал Ксандр, обедая комнату внимательным взглядом. – Вы тут что, дрались без меня? – Лично я не заметила в библиотеке никаких следов борьбы, но Ксандр, по всей видимости, оказался внимательнее. – Вот она, моя награда за то, что я школу не прогуливаю! – горестно заметил он.

Услышав про *школу*, Нэш перевел взгляд на Джеймсона.

– А ты почему не в форме? – спросил он. – Сачкануть решил, а, Джейми? Задница будет надрана дважды, договорились.

Услышав слово «задница», Ксандр усмехнулся, подскочил и безо всякого предупреждения накинудся на Нэша и

повалил его на пол. *Ничего особенного, так, спонтанная заварушка между братьями.*

– Что, попался? – победно вскричал Ксандр.

Нэш подставил брату подножку и опрокинул его на пол, а сам навалился сверху.

– Не сегодня, братишка. – Нэш широко улыбнулся, но когда он взглянул на двоих других братьев, взгляд его заметно помрачнел. – *Не сегодня.*

Они – все четверо – были единым целым. *Хоторнами.* А я – нет. Я вдруг явственно это почувствовала. Между ними существовала связь, недоступная для чужаков.

– Мне пора, – сказала я. Я явно была тут лишней и могла разве что пялиться на братьев.

– Да вы вообще сюда напрасно забрели, – сухо отозвался Грэйсон.

– Грэй, да прекращай уже ворчать, – сказал Нэш. – Сделанного не воротишь. Ты же не хуже моего знаешь, что если старик что решил, с этим уже ничего не поделаешь, – проговорил он и посмотрел на Джеймсона. – А тебе я вот что скажу: страсть к саморазрушению вовсе не так привлекательна, как тебе кажется.

– Эйвери нашла нужный ключ быстрее всех нас, – обыденным тоном сообщил Джеймсон.

Впервые за все то время, что я находилась в библиотеке, в ней повисла полная тишина.

Что происходит? – пронеслось в голове. Молчание сгу-

щалось, становилось наэлектризованным, почти невыносимым, а потом...

– Ты дал ей ключи? – спросил Грэйсон, нарушив тишину.

Я по-прежнему сжимала в руке связку ключей. Она вдруг стала казаться страшно тяжелой. *Джеймсон не должен был мне ее давать.*

– По закону мы обязаны передать ей...

– Ключ, – перебил Джеймсона Грэйсон и медленно зашагал к брату, звучно захлопнув книгу. – По закону мы обязаны передать *один* ключ, Джеймсон, а не *все*.

А я-то думала, что надо мной решили поглумиться. В лучшем случае устроили мне проверку. Но по этому разговору у меня складывалось впечатление, будто речь идет о некой традиции. О приглашении.

Об обряде посвящения.

– Мне было любопытно, как она справится, – сказал Джеймсон, выгнув бровь. – Вам не интересно, сколько времени ей понадобилось?

– Хватит, – перебил его Нэш. Трудно было понять, отвечает он на вопрос Джеймсона – или требует, чтобы Грэйсон отстал от брата.

– Можно я уже встану? – подал голос Ксандр, все еще лежавший на полу после подсечки Нэша. Впрочем, судя по виду, настроение у Ксандра было куда более радужным, чем у всех троих братьев, вместе взятых.

– Нет, – коротко отозвался Нэш.

– Я же говорил: она особенная, – негромко продолжил Джеймсон, не сводя глаз с Грэйсона, который по-прежнему угрожающе на него надвигался.

– А я говорил: держись от нее подальше, – парировал Грэйсон, остановившись в нескольких шагах от брата, но так, чтобы Джеймсон не мог до него дотянуться.

– О, да вы снова заговорили, как я погляжу, – весело подметил Ксандр. – Чудесно!

Чудесами тут и не пахнет, – подумала я, не в силах отвести глаз от туч, сгущающихся в нескольких футах от меня. Джеймсон превосходил брата в росте, зато Грэйсон был шире в плечах. Во взгляде первого читалась усмешка, а второго – стальная серьезность.

– Добро пожаловать в Дом Хоторнов, Таинственная Незнакомка, – проговорил Джеймсон, но мне показалось, что эти слова адресованы скорее Грэйсону, чем мне. В чем бы ни крылась истинная причина ссоры двух братьев, дело явно касалось не только разногласий в связи с недавними событиями.

И не только меня.

– Хватит меня так называть, – сказала я. С того момента, как я переступила порог библиотеки, я почти все время молчала, но мне уже порядком надоела эта роль молчаливого зрителя. – Никакая я не Таинственная Незнакомка. Меня зовут Эйвери.

– Охотно готов величать вас Наследницей, – предложил

Джеймсон. Он шагнул вперед и оказался прямо в потоке солнечных лучей, бьющих в окно под самым потолком. Теперь они с Грэйсоном стояли чуть ли не нос к носу. – А ты что скажешь, Грэй? Как по-твоему, какое прозвище больше подойдет новой хозяйке дома?

Хозяйка дома. Джеймсон произнес эти слова с особым упором – создавалось такое впечатление, будто он готов смириться с тем, что его лишили наследства, но исключительно потому, что его брата, «престолонаследника», тоже лишили всего.

– Я просто пытаюсь тебя защитить, – понизив голос, сказал Грэйсон.

– Мы оба прекрасно знаем, что в этой жизни ты защищаешь только себя любимого, – парировал Джеймсон.

Грэйсон резко замолчал – точно язык проглотил.

– Ксандр, – Нэш поднялся с пола и помог младшему из братьев встать, – может, покажешь Эйвери ее крыло?

То ли он тем самым пытался помешать тому, чтобы ситуация вышла из-под контроля, то ли четко давал понять, что это уже случилось.

– Ну что, вперед! – сказал Ксандр, легонько толкнув меня плечом. – По пути печеньками полакомимся.

Если он сказал это для того, чтобы рассеять напряжение в комнате, ничего не вышло, зато ему удалось отвлечь Грэйсона от Джеймсона – пусть и ненадолго.

– Никаких «печенек», – сказал Грэйсон сдавленным, точ-

но его душили собственные слова, голосом. Казалось, последний выпад Джеймсона напрочь перекрыл ему кислород.

– Прекрасно, – беспечно отозвался Ксандр. – Вы умеете торговаться, Грэйсон Хоторн. Никаких печенек. – Ксандр подмигнул мне. – Но булочки-то никто не отменял!

Глава 17

– Первый скон – он, так сказать, тренировочный, – заявил Ксандр и запихнул в рот целую булочку, а вторую протянул мне. Проглотив угощение, он продолжил лекцию: – И только к третьей, нет, даже к *четвертой* порции начинаешь хоть что-то понимать в сконоедении.

– Сконоедении? – невозмутимо переспросила я.

– Вам присущ скепсис, – подметил Ксандр. – В этих стенах он сослужит вам добрую службу, но если на свете вообще существуют универсальные истины, то главная в том, что умение отличить плохой скон от отменного – это тонкое искусство, и его нельзя освоить за день.

Краем глаза я заметила Орена и задумалась, как долго он идет по нашему следу.

– А почему мы с вами стоим и болтаем о булочках? – спросила я у Ксандра. Орен не раз подчеркивал, что братья Хоторн и пальцем меня не тронут, но это еще ничего не значит! Почему Ксандр не стремится подпортить мне жизнь? Разве не этого от него стоит ожидать? – Вы же меня ненавидеть должны.

– Так и есть, – подтвердил Ксандр, уплетая за милую душу третью булочку. – Обратите внимание: черничные сконы я забрал себе, а вам достались... – его передернуло, – лимонные! Вот они, истинные глубины моей ненависти к вам, вот

они, мои принципы!

– Я не шучу, между прочим, – сказала я. У меня было такое чувство, будто я попала в Страну чудес – точнее сказать, проваливаюсь раз за разом в кроличью нору, и падениям моим нет конца.

Ловушка за ловушкой, прозвучал в голове голос Джеймсона. *Загадка за загадкой*.

– А с какой мне стати вас ненавидеть, Эйвери? – наконец спросил Ксандр. Никогда еще я не улавливала в его голосе столько эмоций. – Это ведь не ваших рук дело.

А Тобиаса Хоторна.

– Может, вы невинны, – пожав плечами, продолжал он. – А может, вы – злостная мошенница, и Грэй прав в своих подозрениях, но как бы там ни было – будь вы даже сто раз уверены в том, что перехитрили нашего деда, на самом деле это *он вас обвел вокруг пальца*, и никак иначе.

Мне вспомнилось письмо, оставленное Тобиасом Хоторном, – всего два слова, никаких объяснений.

– А ваш дедушка был не так уж прост, – сказала я Ксандру. Он взял четвертый скон.

– Согласен. Этот скон я посвящаю ему, – объявил он и запихнул булочку в рот. – Показать вам ваши комнаты?

Тут явно что-то не так. Ксандр Хоторн куда хитрее, чем кажется. Это только маска.

– Лучше объясните на словах, как туда дойти, – попросила я.

– Видите ли... – младший из братьев Хоторн поморщился. – Дело в том, что в Доме Хоторнов сложно ориентироваться. Если угодно, представьте себе лабиринт, по которому ходит малыш с криками «Где же Уолдо?»⁴, только в роли Уолдо – ваши комнаты.

Я попыталась перевести эту нелепую аналогию на человеческий язык.

– То есть расположение комнат в Доме Хоторнов обычным не назовешь?

Ксандр расправился с пятой и последней булочкой.

– Вам говорили, что вы удивительно красноречивы?

* * *

– Дом Хоторнов – самый крупный частный особняк в Техасе, – пояснил Ксандр, пока мы поднимались по лестнице. – Могу вам назвать его площадь в квадратных футах, но цифры все равно будут примерными. Главное, что делает Дом Хоторнов непохожим на остальные уродливые подобию гигантских дворцов, – это даже не его размеры, а природа. Мой дедушка каждый год пристраивал к поместью комнату или

⁴ Уолдо (или Уолли, как его чаще зовут в Великобритании) – популярный герой детских книг, комиксов, телешоу и т. д., созданный художником Мартином Хендфордом. Очень рассеянный и постоянно теряется. Обычно детям предлагается найти его на картинке, где помимо Уолдо присутствует еще множество людей и объектов. – *Прим. перев.*

целое крыло. Представьте для наглядности, что работы Маурица Эшера скрестили с лучшими полотнами Леонардо да Винчи, и их чадо...

– Стоп, – перебила его я. – У нас новое правило: отныне вы больше не пользуетесь метафорами деторождения, описывая этот дом и его обитателей – включая себя!

Ксандр драматично прижал руку к груди.

– Как жестоко!

Я пожала плечами.

– Мой дом – мои правила.

Он уставился на меня. Я и сама удивилась, как такие слова вообще могли сорваться у меня с языка, но рядом с Ксандром Хоторном меня не оставляло чувство, будто извиняться за собственное существование вовсе ни к чему.

– Что, рановато для таких заявлений? – спросила я.

– Я – Хоторн, – произнес он и окинул меня полным достоинства взглядом. – И потому считаю, что оскорбительные заявления всегда к месту. – Он вернулся к роли экскурсовода. – Так вот, как я и говорил, восточное крыло на самом деле северо-восточное, и находится оно на втором этаже. Если потеряетесь, ищите вот этого старика, – он кивнул на портрет, висевший на стене. – В последние месяцы своей жизни он перебрался сюда.

Я уже видела фотографии Тобиаса Хоторна в Сети, но от этого портрета невозможно было отвести взгляд. Серебристые волосы, уставшее лицо с задубевшей кожей. Глаза по-

что как у Грэйсона, черты – как у Джеймсона, подбородок
точь-в-точь как у Нэша. А не наблюдай я Ксандра в движе-
нии, я бы ни за что не заметила сходства между стариком
и младшим внуком, но оно неуловимо присутствовало в его
очертаниях – не в форме глаз, губ или носа, а словно бы во
всем разом.

– Ни разу его не встречала, – призналась я и посмотрела
на Ксандра. – Я бы его точно запомнила.

– Точно? – переспросил он.

Я снова уставилась на портрет. Встречалась ли я с мил-
лиардером? Может, наши пути и впрямь пересеклись, пус-
кай на мгновение? Но память ответов не подбрасывала, в ней
только всплывала снова и снова одна и та же фраза. *Прости
меня.*

Глава 18

Ксандр ушел, а я стала исследовать мое крыло в одиночестве.

Мое крыло. Эти слова звучали неправдоподобно до нелепости. *Мое поместье.* За первыми четырьмя дверями обнаружались спальни – до того просторные, что огромные (поистине королевских размеров) кровати в них казались совсем крошечными. Шкафы и там легко могли бы послужить спальнями. А уж *ванные...* В каждой из них непременно было сиденье и минимум по три насадки для душа на выбор. Гигантские ванные с кнопочными панелями. В каждое зеркало встроен телевизор.

До последней – пятой – двери в этом коридоре я добралась в огромном потрясении. *А это вовсе не спальня*, пронеслось в голове, когда я переступила порог. *А кабинет.* Просторные кожаные кресла – шесть штук – повернутые к балкону. Стены были забраны витринами. На полочках под стеклом аккуратно расставили предметы, которые впору было бы увидеть в музее: жеоды, старинное оружие, статуэтки из оникса и других камней. Напротив балкона, в дальнем углу комнаты, стоял стол. Приблизившись к нему, я заметила большой бронзовый компас, встроенный в столешницу. Я скользнула по нему пальцами. Стрелка повернулась на северо-запад, и в столе выдвинулся потайной отсек.

А ведь последние несколько месяцев своей жизни Тобиас Хоторн провел именно в этом крыле, – подумала я. И мне вдруг захотелось не только изучить содержимое потайного отсека, но перерыть все до единого ящички этого стола. Должно же где-нибудь найтись что-то такое, что поможет понять, о чем же он думал – почему я сюда попала, с какой стати он ущемил ради меня собственную семью? Чем я его так впечатлила? Что он во мне разглядел?

Или, может, в маме?

Я заглянула в потайной отсек. Внутри обнаружились глубокие прорезы в форме буквы «Т». Я провела по ним кончиками пальцев. Безрезультатно. Подергала за ручки остальных ящичков. Закрыты.

За столом виднелись полки, на которых поблескивали кубки, памятные таблички и грамоты. Я подошла поближе. Первым мне на глаза попался плотный лист бумаги с надписью «Соединенные Штаты Америки» на золотистом фоне и гербом. Присмотревшись, я разобрала текст, отпечатанный мелким шрифтом чуть ниже, и выяснила, что это – патент, вот только выдан он отнюдь не Тобиасу Хоторну.

А Ксандру.

На полках обнаружилось еще с полдюжины патентов, несколько сертификатов о мировых рекордах и трофеи всевозможных форм и размеров. Бронзовый наездник верхом на быке. Доска для серфа. Меч. Россыпь медалей. Черные пояса в изрядном количестве. Чемпионские кубки – причем

некоторые из них – аж национального уровня – за успехи в самых разных видах спорта, от мотокросса до плавания и пинбола. На стене в рамках висело и четыре комикса с узнаваемыми супергероями на обложках – про таких еще любят снимать фильмы, а в числе авторов значилось четверо братьев Хоторн. На кофейном столике лежала фотокнига с именем Грэйсона на корешке.

И это были не просто какие-то там полки и витрины. А самое настоящее святилище – алтарь Тобиаса Хоторна, посвященный достижениям его талантливых внуков. Все это попросту не укладывалось в голове. Трудно было поверить, что бесчисленные награды принадлежат всего четверым, трое из которых еще даже совершеннолетия не достигли, и уж точно невозможно было понять, отчего же человек, оборудовавший такую вот выставку достижений у себя в кабинете, счел, что *ни один* из внуков не достоин унаследовать его состояние.

В голове снова зазвучали слова Ксандра: «...Будь вы даже сто раз уверены в том, что перехитрили нашего деда, на самом деле это *он вас обвел вокруг пальца*, и никак иначе».

– Эйвери?

Услышав свое имя, я отпрянула от витрины и торопливо закрыла потайной отсек в столе.

– Я здесь! – крикнула я в ответ.

На пороге появилась Либби.

– Вот это да, – проговорила она, явно не веря своим гла-

зам. – Мы с тобой точно в сказку попали.

– Можно и так сказать, – отозвалась я, стараясь отвлечься на красоты Дома Хоторнов и не пялиться на синяк под глазом сестры, но ничего не вышло. Сейчас он выглядел еще хуже, если такое, конечно, вообще возможно.

Либби обняла себя за талию.

– Не переживай за меня, – сказала она, заметив мой взгляд. – На самом деле мне почти не больно.

– Пожалуйста, скажи, что между вами все кончено, – выпалила я, не успев прикусить язык. И напрасно: Либби сейчас поддержка куда нужнее, чем осуждение. Но у меня из головы никак не шла мысль о том, что они с Дрейком расставались и раньше.

– Я же здесь, с тобой, – проговорила Либби. – Я выбрала *тебя*.

А надо было бы саму себя выбрать, подумала я – и тут же поделилась с ней этой мыслью. Либби взъерошила волосы, и те упали ей на глаза. Она отвернулась к балкону. Промолчав, наверное, целую минуту, она снова заговорила:

– Мама меня била. Но только когда у нее сдавали нервы. Она воспитывала меня одна, жизнь была нелегкая. Я ее понимала. И старалась сделать так, чтобы ей было легче.

Мне живо представилась маленькая Либби, ребенок, которого бьют, но который все равно старается утешить своего обидчика.

– Либби...

– Дрейк любил меня, Эйвери. Я это точно знаю, и я изо всех сил старалась понять... – Она крепче себя обняла. На ногтях у нее блеснул черный лак. Маникюр, судя по виду, был свежим. И *безупречным*. – Но ты была права.

У меня защемило сердце.

– А я бы очень хотела ошибиться...

Либби еще пару мгновений постояла на месте, а потом подошла к балкону и подергала за ручку двери. Я последовала за ней, и мы обе вышли на прохладный вечерний воздух. Внизу располагался бассейн. Видимо, с подогревом, потому что даже сейчас кто-то бодро его рассекал.

Грэйсон. Мое тело сразу узнало его, опередив разум. Он плыл баттерфляем, энергично работая руками. А мышцы у него на спине...

– Я должна тебе кое-что рассказать, – прервала мои мысли Либби, стоявшая рядом.

Я с трудом отвела взгляд от бассейна и от пловца.

– О Дрейке? – уточнила я.

– Нет. Я тут случайно кое-что услышала, – начала Либби, сглотнув. – Когда Орен знакомил меня с охраной, неподалеку был муж Зары, он с кем-то разговаривал. Оказывается, они сейчас проводят ДНК-тест. С твоим биоматериалом.

Я терялась в догадках, где же Зара с супругом раздобыли образец моей ДНК, но новость меня не слишком удивила. Я и сама думала об этом. Ведь это же самое простое объяснение происходящему: если чужака вдруг включают в завеща-

ние, вполне возможно, что никакой он не чужак. Простейшее объяснение может крыться в том, что я *тоже* Хоторн.

Может, у меня вовсе и нет никакого права так пялиться на Грэйсона!

– Но если окажется, что Тобиас Хоторн – твой отец, – медленно проговорила Либби, – то, выходит, наш – *мой* – папа – тебе неродной. А раз отцы у нас разные, и в детстве мы почти не виделись...

– Не смей говорить, что никакие мы не сестры, – перебила ее я.

– Но захочешь ли ты, чтобы я была рядом? – спросила Либби, нервно теребя чокер на шее. – Если мы не...

– Ты мне нужна, – заверила я ее. – Не важно, что покажет тест.

Глава 19

В тот вечер я простояла под душем так долго, как, наверное, никогда еще прежде. Запасы горячей воды и не думали иссякать. Стекланные стенки кабинки заволокло паром. У меня было такое чувство, будто я сижу в своей собственной сауне. Вытершись махровыми огромными полотенцами, я натянула свою поношенную пижаму и повалилась в постель, заправленную бельем из самого настоящего египетского хлопка.

И сама не знаю, сколько я вот так пролежала, когда вдруг раздался окрик. «Сдвиньте подсвечник!» – потребовал чей-то голос.

Я мгновенно соскочила с кровати, метнулась к стене и прижалась к ней спиной. Повинуясь инстинкту, я схватила с прикроватного столика ключи на случай, если мне понадобится оружие. Я обвела взглядом спальню, выискивая говорившего, – но тщетно.

– Сдвиньте подсвечник, который стоит на камине, Наследница. Или вы хотите, чтобы я тут до скончания века стоял?

На смену панике, охватившей меня сначала, пришло раздражение. Я остановила взгляд на каменном камине, стоявшем у дальней стены. На полке и впрямь возвышался подсвечник.

– Строго говоря, это называется «слежка», – с укором ска-

зала я камину – точнее, парню, незримо стоявшему за ним. И все же *не потянуть* за подсвечник было выше моих сил. Ну кто устоит перед таким искушением? Я обхватила ладонью ножку подсвечника и толкнула его вперед, но он не сдвинулся с места. Из-за камина послышалось:

– Вы не толкайте его вперед, а нагните.

Я повиновалась. Подсвечник повернулся, послышался щелчок, и задник камина отделился от пола, пусть и всего на дюйм. Спустя мгновение в открывшемся отверстии мелькнули кончики пальцев, и вот уже весь задник взмыл вверх и исчез за каминной полкой. В глубине камина открылся проход, из которого вынырнул Джеймсон Хоторн. Он распрямился, вернул подсвечник в прежнее положение, и потайной ход снова закрылся.

– Секретный ход, – пояснил он, хотя в этом и не было никакой необходимости. – Тут их полно.

– И что, по-вашему, это должно меня обрадовать? – поинтересовалась я. – Или напугать?

– А это уж вы мне скажите, Таинственная Незнакомка. Вам радостно или страшно? – спросил он и выждал немного, давая мне время на поиск ответа. – А может, вы заинтригованы?

В нашу первую встречу Джеймсон Хоторн был пьян. На этот раз алкоголем от него не пахло, но я невольно задумалась, спал ли он после чтения завещания. Волосы у него были тщательно причесаны, но в зеленых глазах горели недоб-

рые огоньки.

– Что-то вы меня про ключ и не спрашиваете, – криво усмехнувшись, заметил он. – А я думал, вам будет интересно, как же так вышло.

Я показала ему связку.

– Так это ваши проделки.

Это был не вопрос, а утверждение – и Джеймсон его ровно так и воспринял.

– Скажем так, это в некотором роде семейная традиция.

– Но я же не из вашей семьи.

Он склонил голову набок.

– Вы в этом уверены?

Я подумала о Тобиасе Хоторне и о тесте ДНК, затеянном супругом Зары.

– Даже не знаю.

– Досадно будет, если мы родственники, – заметил Джеймсон и снова мне улыбнулся – эта неспешная улыбка кольнула меня, точно острый нож. – Вам так не кажется?

Да что вообще творится между мной и этими юными Хоторнами? Хватит думать о его улыбке. Хватит пялиться на его губы. Прекрати немедленно.

– Пожалуй, родственников вам и без меня хватает, – сказала я, скрестив руки на груди. – А еще мне кажется, что вы недаром сейчас такой весь из себя обходительный. Вы чего-то от меня хотите.

С математикой у меня всегда было хорошо. Да и с логи-

кой. Он пробрался ко мне в комнату, а теперь флиртует без очевидной причины.

– Все рано или поздно чего-нибудь от вас да захотят, Наследница, – усмехнувшись, парировал Джеймсон. – Вопрос в другом: многие ли возжаждут именно того, что вы готовы будете отдать?

Его голос, да даже само построение фраз нестерпимо манили к себе. Нет, это просто *бред*!

– Хватит звать меня Наследницей, – парировала я. – А если и дальше продолжите отвечать на мои вопросы загадками, я вызову охрану.

– В том-то все и дело, Таинственная Незнакомка. Сам я не имею к загадкам никакого отношения. Они тут просто ни к чему. Вы сама и есть загадка, головоломка, фокус – последний фокус моего дедушки.

Он взглянул на меня до того пристально, что я не посмела опустить глаза.

– Как вы думаете, откуда в этом доме столько секретных ходов? Зачем тут столько ключей, не подходящих ни к одному из замков? Во всех столах, купленных моим дедом, есть потайные отсеки. В театре стоит орган, и если нажать на некоторые из клавиш в определенной последовательности, открывается тайный ящик. С тех самых пор, как я был ребенком, и до самой своей смерти дедушка собирал нас с братьями по субботам с утра и загадывал нам какую-нибудь загадку, головоломку, давал заковыристые задания – и

мы должны были их решить. А потом умер. А дальше... – Джеймсон шагнул ко мне. – Появляетесь вы.

Я.

– Грэйсон считает вас талантливым манипулятором. Тетушка уверена, что в ваших жилах течет кровь Хоторнов. А я вот думаю, что вы – последняя дедушкина загадка, финальная тайна, которую надо разгадать. – Он сделал еще один шаг в мою сторону, ощутимо сокращая расстояние между нами. – Он неспроста выбрал именно вас, Эйвери. Вы – особенная, и, мне кажется, дедушка хотел, чтобы мы разобрались почему. Точнее, я.

– Никакая я не тайна, – ответила я. Сердце колотилось у самого горла. Он стоял так близко, что наверняка видел, как на шее у меня пульсирует жилка.

– О, еще какая, – возразил он. – Да и мы все тоже. Только не говорите, что в глубине души вам не хочется нас всех раскусить. Грэйсона. Меня. Может, даже Ксандра.

– А для вас это все – лишь игра? – спросила я, вытянув руку, чтобы он не подошел ближе. Джеймсон сделал последний шаг, и моя ладонь уперлась ему в грудь.

– Все в этой жизни – игра, Эйвери Грэмбс. Главное, что каждый должен для себя решить – станет ли он стремиться к победе. – Он потянулся ко мне, чтобы убрать с глаз упавшую прядь, но я отстранилась.

– Уходите, – тихо сказала я. – Только на этот раз через обычную дверь. – За всю мою жизнь никто еще не прикасал-

ся ко мне так ласково, как он секунду назад.

– Вы злитесь, – заметил Джеймсон.

– Я же сказала: если что-то нужно, говорите прямо. Нечего тут разливаться соловьем о том, какая я особенная. И трогать меня не надо.

– Но вы и *правда* особенная. – Джеймсон вытянул руки по швам, но жаркое пламя в его взгляде не поутихло. – А я хочу одного: понять почему. Почему именно вы, Эйвери. – Он шагнул назад, освобождая мое личное пространство. – Только не говорите, что вас саму не мучает тот же вопрос.

О, мучает. Еще как.

– Я вам принес кое-что, – сказал Джеймсон и достал конверт. Аккуратно положил его на каминную полку. – Прочтите, а уже потом говорите, что это никакая не игра, а на кону вовсе не победа. И что тайн нет и в помине. – Он снова нагнул подсвечник, и когда секретный ход в камине опять распахнулся, припечатал меня на прощание последней фразой: – Вам, Эйвери, он завещал все свое состояние. А нам остались только *вы*.

Глава 20

После того как Джеймсон растворился во мраке, а дверь, замаскированная под камин, вернулась на место, я еще долго стояла посреди комнаты и смотрела ему вслед. Интересно, а это единственный тайный ход в мою спальню? Можно ли вообще найти себе укромный уголок, куда точно никто не заглянет, в таком странном доме?

В конце концов я все-таки взяла с каминной полки конверт, оставленный Джеймсоном, хотя все внутри отчаянно протестовало против его слов. Никакая я не тайна. А обычная девчонка.

Я перевернула конверт. На нем было выведено имя Джеймсона. *Это его письмо*, догадалась я. То самое, которое ему вручили на оглашении завещания. Смысл послания, оставленного мне, по-прежнему был мне неясен; я никак не могла взять в толк, за что же извиняется Тобиас Хоторн. Возможно, письмо Джеймсона поможет разобраться.

Я открыла конверт и прочла послание. Оно было многословнее моего, но едва ли понятнее.

Джеймсон,

Черт знакомый лучше черта незнакомого, согласись. Власть развращает. А безмерная власть развращает без меры. Не все то золото, что блестит. Неизбежны только смерть и налоги. От суммы да тюрьмы не

зарекайся.

Не суди.

– *Тобиас Сносом Хотори*

* * *

К утру я успела выучить письмо Джеймсона наизусть. Создавалось такое впечатление, будто его автор не спал несколько дней, прежде чем его написать – и именно поэтому так бессвязно и судорожно вплетал в текст одну банальность за другой. Но чем дольше странные слова отлеживались на задворках моего сознания, тем серьезнее я думала о том, что Джеймсон, возможно, и прав.

Во всех этих письмах – в моем, в джеймсоновском – что-то зашифровано. То ли ответ, то ли по меньшей мере подсказка.

Скатившись со своей необъятной кровати, я пошла снимать телефоны – да-да, во множественном числе – с зарядки и с удивлением обнаружила, что мой старый выключился. Благодаря капельке везения и настойчивым нажатиям по кнопке включения мне все-таки удалось его «оживить». Я и сама не знала, с чего начать рассказывать Макс о последних двадцати четырех часах, но мне нужно было с кем-нибудь поговорить.

Мне нужно было восстановить связь с реальностью.

На экране высветились уведомления о сотне пропущен-

ных звонков и сообщений. Мне вдруг стало понятно, зачем же Алиса выдала мне новый телефон. Оказалось, что мне за это время написали люди, с которыми мы вот уже много лет не общались. Люди, которые чуть ли не всю жизнь не обращали на меня ни малейшего внимания, теперь жадно требовали ответа. Коллеги. Одноклассники. Даже *учителя*. Где половина из них раскопала мой номер, я вообще не представляла. Взяв новый телефон, я вышла в Интернет и обнаружила, что на почте и в соцсетях ситуация хуже.

Там висели *тысячи* непрочитанных сообщений – по большей части, от незнакомцев. «*Кто-то будет считать вас Золушкой. Кто-то – Марией-Антуанеттой*». Живот тут же заболел от напряжения. Я положила оба телефона и встала, прикрыв рот ладонью. Все это можно было предвидеть. Это не должно было стать для меня шоком. Но я оказалась не готова.

Как к такому вообще можно подготовиться?

– Эйвери? – позвал голос из-за двери. На этот раз женский, но это явно была не Либби.

– Алиса? – переспросила я, прежде чем открывать дверь.

– Вы пропустили завтрак, – послышался ответ. Резкий, деловой – да, это явно была она.

Я открыла.

– Миссис Лафлин пока не знает о ваших предпочтениях, поэтому приготовила всего понемногу, – сообщила Алиса. Девушка, которой я раньше не видела – с виду ей было лет

двадцать или немногим больше, – вошла в спальню следом за ней с подносом в руках. Поставила его на прикроватный столик, покосилась на меня и ушла, не проронив ни слова.

– Я думала, персонал является на работу только по требованию, – заметила я, подняв взгляд на Алису, когда дверь захлопнулась.

Она медленно выдохнула.

– Персонал у нас очень, очень верный, а сейчас еще и порядком встревоженный происходящим. Это вот, – она кивнула на дверь, – одна из новеньких служанок. Из нэшевских.

Я нахмурилась.

– То есть как?

– Нэш тот еще кочевник, – невозмутимо пояснила Алиса. – Он часто уезжает. Пропадает где-то. Находит какую-нибудь укромную дыру, отсиживается в ней, а потом, будто мотылек на пламя, устремляется обратно – как правило, в компании парочки пропащих душ. Как вы, наверное, догадываетесь, в Доме Хоторнов рабочие руки всегда нужны, и мистер Хоторн взял за обыкновение пристраивать в поместье этих самых нэшевских бедолаг.

– И девушку, которая принесла поднос, тоже?

– Она тут уже почти год, – бесцветным тоном уточнила Алиса. – Готова за Нэша жизнь отдать. Как и почти все они.

– А между нею и Нэшем... – начала я, не зная, как лучше сформулировать эту мысль. – Что-нибудь есть?

– Нет, – резко ответила Алиса, а потом продолжила, глу-

боко вздохнув: – Нэш не допускает интрижек с теми, над кем у него есть власть. У него есть свои минусы – в том числе и комплекс спасителя, но он не такой.

Скрывать слона в посудной лавке больше не имело смысла, и я вытащила его на свет:

– Вы с Нэшем встречались, ведь так?

Алиса вскинула подбородок.

– Одно время мы были помолвлены, – поведала она. – Мы были очень молоды. У нас возникли кое-какие сложности. Но, уверяю вас, когда речь идет о моем сотрудничестве с вами, ни о каком конфликте интересов и переживать не стоит.

Помолвлены? Мне пришлось приложить немалые усилия, чтобы не распахнуть рта от изумления. Мой юрист планировала *выйти замуж* за Хоторна, но не сочла нужным даже упомянуть об этом!

– Если желаете, я могу подыскать вам другого помощника из числа сотрудников нашей фирмы, – сухо предложила она.

Я с трудом отвела от Алисы взгляд и быстро обдумала ситуацию. Алиса ни разу не дала мне повода усомниться в своем профессионализме и выполняла свою работу с почти пугающей безупречностью. К тому же, учитывая расстроенную свадьбу, у нее имелись веские основания *не сохранять верность* Хоторнам.

– Нет, все в порядке, – заверила я ее. – Новые помощники мне не нужны.

Ее губы тронула едва заметная улыбка.

– Я проявила инициативу и подала ваши документы в Хайтс-Кантри-Дэй, – сообщила Алиса, с беспечным проворством переходя к следующему пункту в своем списке дел. – Это школа, в которой учатся Ксандр и Джеймсон. Грэйсон закончил ее в этом году. Вообще, я надеялась, что новости о наследстве просочатся в прессу уже после того, как вы выйдете на учебу и немного пообвыкнете на новом месте, но что поделать – придется выкручиваться, раз уж мы имеем то, что имеем. – Она многозначительно посмотрела на меня. – Вы – наследница хоторнского состояния, но по крови – не Хоторн. Это неизбежно привлечет внимание даже в Кантри-Дэй, где в числе обеспеченных будете не вы одна.

В числе обеспеченных, подумала я. Подумать только, сколько же синонимов подбирают богачи, только чтобы напрямую не называть себя *богачами*.

– Уверена, уж с толпой школьников я справлюсь, – сказала я, хотя на самом деле уверенности у меня не было и в помине.

Алиса заметила мои телефоны. Наклонилась и подняла с пола старый.

– Этот я сама выкину.

И безо всяких взглядов на дисплей она безошибочно поняла, что произошло. И *продолжало происходить* под нескончаемый вой вибросигнала.

– Подождите, – попросила я и, забрав у нее трубку, отыскала в контактах номер Макс, не обращая внимания на по-

ток сообщений, и скопировала его на свой новый телефон.

– Советую вам строго следить за тем, кому вы сообщаете новый номер, – сказала Алиса. – Шумиха вокруг вас еще не скоро уляжется.

– Шумиха, – повторила я. Внимание прессы. Море сообщений от незнакомцев. Толпа знакомых, которым никогда не было до меня дела, а теперь вдруг стало казаться, будто мы – лучшие друзья.

– Ученики Кантри-Дэй будут вести себя посдержаннее, – пообещала Алиса, – но будьте готовы к неожиданностям. Звучит сурово, но деньги – и впрямь сила, а сила притягательна. Вы уже совсем не та, что два дня назад.

Я хотела было возразить, но в памяти вспыхнули слова из письма Тобиаса Хоторна Джеймсону. *Власть развращает. А безмерная власть развращает без меры.*

Глава 21

– Так значит, вы прочли мое письмо. – Джеймсон Хоторн уселся на заднее сиденье джипа по соседству со мной. Орен уже успел перечислить мне все достоинства этого автомобиля, благодаря которым обеспечивалась моя безопасность. Он был оснащен пуленепробиваемыми, тщательно затонированными стеклами, а еще у Тобиаса Хоторна имелось несколько точно таких же машин – на случай, если нужно будет сбить недоброжелателей со следа.

Но сегодня, когда я впервые отправилась в школу Хайтс-Кантри-Дэй, это явно было ни к чему.

– А Ксандра подвезти не надо? – спросил с водительского сиденья Орен, поймав взгляд Джеймсона в зеркале заднего вида.

– По пятницам Ксан уезжает в школу пораньше, – пояснил Джеймсон. – Какие-то у него там внеклассные мероприятия.

Орен перевел взгляд на мое отражение.

– Вы не против компании?

Не против ли я сидеть почти вплотную к Джеймсону Хоторну, который накануне проник ко мне в спальню через камин? *И еще касался моего лица...*

– Конечно, нет, – сказала я Орену, отмахиваясь от воспоминания.

Орен повернул ключ в замке зажигания и бросил взгляд

через плечо.

– Эйвери – пассажир номер один, – сказал он Джеймсону. – В случае аварии...

– Вы сперва кинетесь спасать ее, – закончил за него Джеймсон. Он закинул ногу на центральную консоль, а спиной прислонился к задней дверце. – Дед любил повторять, что у всех мужчин из семейства Хоторнов по девять жизней. И вряд ли я истратил больше пяти.

Орен отвернулся, взялся за руль – и машина отъехала от дома. Когда мы выехали за ворота, даже сквозь бронированные окна до меня донесся глухой рев. Папарацци. Если раньше их было примерно с десяток, то теперь стало вдвое больше – если не втрое.

Я решила поскорее от них отвлечься и повернулась к Джеймсону.

– Вот, – сказала я, достав из рюкзака свое письмо и протянув ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.